

ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ЧАСОВЪ ЖИЗНИ ДЛЯ ПОСЛѢДНИХЪ.

(Жанъ-Поля).

(Посвящено М. П. П.)

=

«Дай мнѣ великую мысль, чтобъ она освѣжила меня, проси. Гердеръ своего сына въ изнуряющемъ жару болѣзни!» Что же мы обыкновенно представляемъ страдальцамъ, прикованнымъ къ мрачной постели болѣзни, когда передъ ними тускнѣетъ блестящая роса на ихъ жизни? Одиъ странилица, вмѣсто освѣщающихъ звѣздъ. Не странно ли и не жестоко ли обыкновеніе, что плачь и умиленіе обступаютъ умирающаго больного, громко изрекаютъ послѣдній приговоръ, между тѣмъ какъ ихъ скрываютъ отъ здороваго, крѣпкаго и сильнаго; какъ будто умирающіе должны утѣшать здоровыхъ! Тамъ, въ душной комнатѣ больного, передъ изнуреннымъ и блѣднымъ лицомъ, нѣтъ души, которая навела бы свѣтлую улыбку на изсохшія уста; а только законовѣдцы, лѣкари съ своими приказаніями, да родные, которые плачутъ на-взрыдъ. Нѣтъ тамъ мощнаго духа, возвышающагося надъ собственною скорбью,

который упавшую дуну, алкающую освѣжающей радості, оживилъ бы весенними водами воспоминанія, слилъ бы ихъ съ послѣдними восторгами, предзнаменующими въ умирающемъ приближеніе другой жизни. — Постель больного превращается для него въ незакрытый гробъ; плачущая обманчивая надежда на выздоровленіе и траурныя рѣчи, привязываютъ еще крѣпче къ жизни того, кому суждено съ ней разстаться; и смертныя носилки представляются ему эшафотомъ, — и въ ушахъ еще живущихъ, когда глаза уже сомкнуты смертію, раздаются рѣзкіе, дисгармоническіе звуки жизни, тогда какъ жизнь должна бы, подобно эху, постепенно исчезать въ нѣжныхъ, сладостнѣйшихъ звукахъ. Между тѣмъ человекъ въ собственномъ сердцѣ носитъ благое чувство, которое заставляетъ его воспоминать о малѣйшей радости, внушенной имъ умирающему, съ бѣльшимъ наслажденіемъ и самодовольствіемъ, нежели о многихъ важнѣйшихъ, которыми онъ надѣлилъ здоровыхъ; причина тому заключается, можетъ быть, еще въ томъ, что онъ только въ послѣднемъ случаѣ надѣется на возможность удвоить или доставить эту радость послѣ; но смертный долженъ бы помнить, что каждая радость, доставленная нами другому или намъ дарованная, можетъ быть послѣднею.

Такъ разставанье наше съ жизнью было бы соединено съ бѣльшимъ страданіемъ, нежели вступленіе въ оную, еслибъ заранѣе природа, эта добрая мать, не позаботилась о томъ, чтобъ убаюкать дремлющихъ своихъ дѣтей на своихъ нѣжныхъ рукахъ и тихо перенести ихъ изъ одного міра въ другой. Въ предпослѣдній часъ покрывасть она горько оплакиваемыхъ ледянымъ щитомъ равнодушія къ остаю-

щимся; предъ самой же кончиною — (что подтверждаютъ свидетельства проснувшихся мнимо умершихъ, выраженіе лица и голосъ умирающихъ) мозгъ покрывается чистыми легкими волнами радости, походящей развѣ только на то земное блаженство, въ которомъ утопають магнетическіе мнимо умершіе. Но мы не въ состояніи себѣ представить, какъ высоки эти наслажденія, до какой степени онѣ могутъ увеличиваться, потому что знаемъ ихъ только по свидетельствамъ ожившихъ мнимоумершихъ, слѣдственно прерванными, неоконченными; можетъ быть, возрастающіе восторги, болѣе истощающіе жизнь, нежели страданія, переносятъ безсмертную жизнь отъ жизни здѣшней, юдольной, въ неизвѣстное небо. Есть всемірная Исторія необъятная, премудрая, это Исторія умирающихъ; но намъ на землѣ не развернуть ея сокровенныхъ листовъ.

Въ селѣ Геймъ жилъ Готрейхъ Гартманнъ у своего престарѣлаго отца, пастора, котораго онъ составлялъ все счастье, ибо старецъ пережилъ почти все, что любилъ. Готрейхъ отправлялъ за него должность проповѣдника, не столько затѣмъ, чтобъ поддержать его еще мало ослабленныя возрастомъ силы, сколько для того, чтобъ дать просторъ своему собственному пылкому духу и вмѣстѣ доставить тѣмъ старцу ту рѣдкую радость, что сынъ научаетъ отца.

Тѣсно было распускающемуся духу, который хотѣлъ цвѣсти поэтически: онъ не походилъ, какъ большая часть юношей поэтовъ, на тѣ растенія, которыя приносятъ нѣсколько поэтическихъ цвѣтовъ, быстро увядающихъ — а потомъ производятъ подъ землею грубые, ничтожные плоды: онъ былъ деревомъ, которое вѣнчаетъ свои пре

красные пестрые цвѣты сладкими прекрасными плодами; и почки этихъ цвѣтовъ созрѣвали отъ теплоты новыхъ поэтическихъ мѣсяцевъ.

Отецъ его былъ призванъ къ поэзiи подобными же силами, но время не благопріятствовало ихъ развитію; ибо въ половинѣ прошедшаго столѣтія, большая часть людей, одаренныхъ парящимъ ввысь духомъ художника, были вынуждаемы оставаться прикованными къ кафедрѣ, учительскому или судейскому креслу, потому что старое мѣщанское сословіе почитало выгоднѣйшимъ пасти своихъ дѣтей на обыкновенныхъ равнинахъ и долинахъ, нежели на крутой горѣ Музъ. Если же подавленный поэтический духъ не можетъ выразить себя въ свободномъ творествѣ, то съ большимъ жаромъ обращается къ собственному сердцу и убираетъ его своими цвѣтами; невысказанныя чувства тѣмъ живѣе говорятъ въ движеніяхъ, подобно голосу, и дѣла заступаютъ мѣсто картинъ. Такимъ образомъ поэтическая сила легко живетъ столь же долго, сколько и самъ человѣкъ, который есть уже ея созданіе, нѣчто единое съ нею. Такъ переживаетъ легкая, недолго живущая бабочка продолжительную суровую зиму — (какъ прежде пережила ее бывши личинкою) — если лѣтомъ не оплодотворилась.

Тоже самое постигло и стараго Гартмanna, но участь его была еще прекраснѣе: его молодой, женской поэтической душѣ можно было избрать своимъ жилищемъ кафедру, словно монашескую келью; а двумъ сестрамъ близнецамъ, Религiи и Поэзiи, быть неразлучными и помогать другъ другу. Какъ чисто и прекрасно званіе священника! всѣ блага его окружаютъ: Поэзiя, Религiя, исцѣленіе душъ, —

между тѣмъ какъ другія званія совершенно препятствуютъ ихъ близкому соединенію.

Отецъ и сынъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближались другъ съ другомъ и вмѣсто дѣтской и отцовской любви возрасла между ними рѣдкая дружба особеннаго рода. Сынъ подерживалъ старость отца не только возрожденіемъ въ немъ утраченной поэтической молодости, но и прекраснѣйшимъ сходствомъ вѣры. Готрейхъ хотя и отправился въ высшую школу съ обыкновеннымъ небольшимъ вольнодумствомъ, свойственнымъ незрѣлому, рано развившемуся юношѣ, но возвратился съ сохраненною вѣрою предковъ и отца своего, отъ настоящихъ учителей, научавшихъ сохранять чувство древней богословіи отъ пытливыхъ объясненій толкователей, не обнажая корней передъ свѣтомъ, который содѣйствуетъ въ людяхъ, какъ и въ растеніяхъ, одному лишь вышнему произрастанію. Такъ престарѣлый отецъ вновь нашелъ въ груди сына свое Христіанское сердце, оживленное силою молодости, а вмѣстѣ и оправданіе своей любви и убѣжденій, пріобрѣтенныхъ долгою жизнію. Если прискорбно любить и вмѣстѣ противорѣчить, и отворачивать голову отъ того, къ чему наклоняется сердце, то тѣмъ сладостнѣе найти себя и свою вѣру пересаженными въ короткое время. Жизнь тогда превращается въ прекрасную звѣздную ночь, въ которую, кажется, заходящая звѣзда замѣняется другою, восходящею.

Готрейхъ жилъ въ раю, въ которомъ онъ былъ садовникомъ для своего отца, замѣнялъ ему супругу, брата, друга, — однимъ словомъ все, что дано любить человеку.

Каждое воскресеніе приносило ему новую радость: проповѣдь, сказанную въ присутствіи отца. На кафедрѣ об-

наруживалъ онъ все богатство внутренней силы, въ особенноти поэтической, какъ будто заботясь болѣе о томъ, чтобъ тронуть и увлечь отца, нежели о просвѣщеніи прихожанъ, хотя и былъ убѣжденъ въ несомнѣнности той истины, что удовлетвореніе высокихъ требованій разума есть цѣлебная пища для народа, какъ и для дѣтей, и что одно недостижимое научаетъ достигать. — Глаза въ слезахъ или молящіяся сложенные руки старца, превращали каждый воскресный день въ великій праздникъ; и въ тихомъ пасторскомъ домикѣ часто отправлялись празднества, торжественность которыхъ никто не понималъ и не замѣчалъ. Кто находить, что говорить или слушать проповѣдь не можетъ приводить душу въ живое умиленіе, тотъ вѣроятно не пойметъ тѣхъ чистыхъ радостей, съ которыми оба друга бесѣдовали между собою о сказанныхъ или еще предстоящихъ проповѣдяхъ, критическое разсмотрѣніе которыхъ имѣло въ глазахъ ихъ такую же важность, какую имѣетъ критика великихъ драматическихъ произведеній. Одобреніе и любовь столь мудраго старца, какъ Гартманнъ, духовныя способности котораго еще не онѣмѣли на холодной высотѣ жизни, должны были сильно тронуть юношу, отъ природы болѣе слабаго и нѣжнаго и тѣломъ и духомъ, каковъ былъ Готрейхъ, и возбудить въ немъ быстрое и высокое пламя.

Къ симъ двумъ счастливицамъ присоединилось еще третье блаженное существо, Юста, вдвойнѣ сирота, вполне располагавшая сама собою, оставила городъ, и продавши весь комерческій домъ своего отца, поселилась въ верхней половинѣ прекраснаго крестьянскаго домика, чтобъ вполне жить по деревенски. Юста все на свѣтъ

исполняла совершенно, покрайней мѣрѣ тамъ, гдѣ касалось до великодушія. Переѣхавши въ село Геймъ, она прежде всего увидѣла кроткаго Готрейха и его ясные поэтическіе глаза; услышавши четыре или пять его весеннихъ проповѣдей, она тотчасъ отдала ему сердце, упоенное добродѣтелью, но удержала руку до того времени, когда вмѣстѣ съ великимъ общимъ міромъ возможно будетъ заключить и ихъ союзъ. Она обыкновенно предпочитала трудное легкому. Я желалъ бы кстати изобразить теперь Майскую жизнь, расцвѣтавшую подъ руками Юсты въ низенькомъ пасторскомъ домѣ, подлѣ невысокой колокольни: — какъ спышила она каждое утро изъ своего домика въ домъ пастора, чтобъ привести тамъ все въ порядокъ; — какъ проводила она вечера въ пасторскомъ садикѣ, не только заключавшемъ въ себѣ 12 грядокъ, но и окруженномъ множествомъ луговъ, пересѣченныхъ ручьями, не говоря уже объ отдаленныхъ холмахъ и звѣздахъ; — созвучіе трехъ ликующихъ сердецъ, которыя въ столь тѣсномъ и чистомъ сосѣдствѣ знали и чувствовали одно прекрасное и принимали чувства добра и радости, — за ежедневныя потребности жизни. Каждое мѣсто было священнымъ, вселенная — свѣтлымъ храмомъ, а небо — великимъ церковнымъ сводомъ.

Каждое село, каждый домъ можетъ заключить въ себѣ истинный рай, неизвѣстный и неописанный, потому что радости любятъ покрывать листьями нѣжнѣйшіе цвѣты свои и сохранять ихъ втайнѣ. Готрейхъ среди такого изобилія блаженства и любви — поэзіи и благодати — весны и прошедшаго и будущаго, — не дерзалъ ясно высказывать своего счастья иначе, какъ въ молитвѣ. Только въ молитвѣ,

думалъ онъ, можетъ человѣкъ высказывать все, и радость свою и горе. И отецъ былъ вполнѣ счастливъ; старость его походила не на зимній суровый, а на лѣтній вечеръ, безъ мороза и мрака, хотя солнце его жизни уже довольно низко зашло за могильный холмъ, подъ которымъ на вѣки заснула жена его.

Ничто такъ живо не напоминаетъ благородному юношѣ о послѣднихъ часахъ жизни, какъ часы прекраснѣйшіе, часы душевнаго восторга. Готрейхъ, среди столь необыкновеннаго благоуханія и блеска всѣхъ цвѣтовъ радости, въ свѣжее росистое утро жизни, при ея утренней звѣздѣ, уже долженъ былъ помышлять о томъ, что нѣкогда она явится ему звѣздою вечернею. Тогда сказалъ онъ самому себѣ: теперь все передо мною такъ ясно, такъ постоянно, — красота и блаженство жизни, — блескъ вселенной, — Создатель, — доблесть и величіе сердца, — созвѣздія вѣчныхъ истинъ, — необъятное звѣздное небо идей, которое освѣщаетъ человѣка, влечетъ его и поддерживаетъ! — Когда же старость меня настигнетъ, и приблизится часъ смерти, все то, что теперь движется передо мною, такъ живо, роскошно цвѣтетъ и сверкаетъ, не покажется ли мнѣ въ измѣненномъ видѣ, посядѣлымъ и недвижимымъ? Когда человѣкъ близокъ къ небу, которымъ онъ такъ долго любовался, — смерть оборачиваетъ предъ ослабѣвшими глазами астрономическую трубу, и небо является имъ пустымъ далекимъ пространствомъ, лишеннымъ свѣта. Не справедливо ли это? Цвѣтушія ли или увядшія силы жизни и правильные постигаютъ міръ? Будетъ ли въ будущемъ для меня доступна истина, когда я буду чувствовать, думать и надѣяться, владея только одною половиною

жизни, лишившись остраго взгляда и горячаго чувства; или она доступнѣе для меня теперь, когда сердце мое горячо, голова свѣтла и всѣ силы такъ свѣжи! — Безъ сомнѣнія теперь, я въ томъ убѣждаюсь все болѣе и болѣе. Проживу же я эти свѣтлые дни истины, съ глубокимъ вниманіемъ сберегу память о нихъ для мрачнаго вечера, и они освѣтятъ послѣдніе часы моей жизни!»

Въ прекраснѣйшіе Майскіе дни, когда небо, земля и сердце его сливались въ одномъ тройственномъ аккордѣ, облекъ онъ пламенные чувства въ пламенное слово, чтобъ на письмѣ сохранить ихъ, подѣ заглавіемъ: *Воспоминаніе изъ лучшихъ часовъ для послѣднихъ*. Этой повѣстью хотѣлъ онъ подкрѣпить душу на послѣднемъ ложѣ и въ поздній сумракъ оглянуться на раннюю зарю юности.

Такъ жили три человека, радуя другъ друга, среди теплаго счастья, пока колесница брани и побѣдъ священной войны не загремѣла по земному шару. Тогда Готтрейхъ совершенно преобразился; — онъ походилъ на молодую перелетную птицу, незнакомую еще съ жаркими странами, которая томится въ тепломъ плѣну и рвется летѣть за старыми перелетными птицами. Возстали его дѣятельныя природныя силы, до сихъ поръ смиренно покорявшія себя поэтическому ораторскому влеченію: пламя воодушевленія, до сихъ поръ разсѣвавшееся, подобно пламени нефтяной почвы, въ пустомъ воздухѣ, нашло себѣ пицу. Не рѣшаясь говорить отцу о разлукѣ, онъ и терзалъ и тѣшилъ себя картинами похода и сраженій. Одной Юстѣ довѣрилъ онъ свое намѣреніе — и она его не одобрила, представляя ему, какъ тяжело будетъ одиноче-

ство для отца. Последний же, одушевившись мыслию о войнѣ, подобно сыну и его обрученной, сказалъ имъ: «Пусть Готрейхъ отправляется, онъ давно этаго желаетъ, и только любовь и состраданіе ко мнѣ его здѣсь удерживаютъ.» Старецъ надѣялся, что онъ съ Божіею помощію будетъ въ состояніи въ продолженіи года самъ отправлять пасторскія обязанности и тѣмъ еще разъ оказать пользу отечеству.

Готрейхъ отправился, полагаясь на осенній цвѣтъ жизненныхъ силъ отца. Онъ былъ обыкновеннымъ воиномъ, а если гдѣ могъ, вмѣстѣ и проповѣдникомъ. Новое поприще дѣйствій всегда обновляетъ силы и ведетъ cadaго къ большимъ успѣхамъ. Судьба отказала юношѣ въ ранѣ, которую онъ такъ желалъ принести съ собою по возвращеніи въ мирное пасторское убѣжище, какъ огненное клеймо прекрасныхъ дней его пылкой молодости; но онъ и то считалъ для себя счастьемъ, что могъ принять участіе въ войнѣ и сразиться съ цѣлымъ народомъ для достиженія общихъ цѣлей, подобно древнему республиканцу.

Наконецъ прекраснѣйшій Май мѣсяцъ, какой когда либо пріобрѣла Германія своими побѣдами, былъ встрѣченъ празднествомъ въ честь побѣды и мира, и не одинъ народъ торжествовалъ свою славу! Тогда юный Готрейхъ не захотѣлъ проводить эти праздничные дни далеко отъ родимаго дома, желая удвоить свои радости, раздѣливъ ихъ съ радостями своихъ лучшихъ друзей.

Онъ отправился въ путь. Тысячи воиновъ совершивъ это путешествіе до него и послѣ него, стремясь чрезъ освобожденныя земли отъ счастливаго прошедшаго къ счастливому будущему, но не многіе видѣли на пути сво-

емъ, подобно Готрейху, столь чистое, лазурное небо на горахъ своихъ родимыхъ долинъ, небо, на которомъ ярко горѣли, всѣ до единой, прежнія звѣзды. Юста еще прежде сообщила ему нѣкоторыя краткія извѣстія о пасторскомъ домѣ, о своей тоскѣ и радостяхъ отца; о томъ, что старецъ невредимо выполняетъ всѣ свои обязанности, говорилъ даже многія проповѣди за него, и пр.; и что она хранить для него еще прекраснѣйшія радостныя тайны. Последнимъ, можетъ быть, хотѣла она напомнить ему, чтобъ онъ не забылъ даннаго ею обѣщанія отдать ему свою руку по заключеніи великаго мира.

Въ такихъ размышленіяхъ еще наслаждался онъ уже священнымъ вечеромъ Троицына дня, въ который онъ хотѣлъ предъ заходомъ солнца вступить въ Геймъ, чтобъ неожиданно освободить старика отъ всѣхъ занятій и подарить его покойными праздничными днями. Въ то время, какъ онъ такимъ образомъ представлялъ себѣ нынѣшнее свиданіе, — а горы отцовскаго села, въ которомъ онъ черезъ нѣсколько часовъ прижметъ къ своему сердцу лучшее сердце, все яснѣе рисовались на голубомъ небѣ, — въ то время *воспоминанія изъ лучшихъ часовъ для послѣднихъ* гармонически отозвались въ его душѣ, и онъ не могъ воздержаться, чтобъ дорогою не приписать къ нимъ картины земнаго свиданія друзей.

За нимъ слѣдовала съ востока его родины гроза, обѣщавшая скорѣе дождь, чѣмъ огонь; (а походъ его чрезъ громовыя тучи на землѣ уже помирилъ его и сблизилъ съ прекраснѣйшими небесными бурями . . .) ему казалось, что онъ идетъ радостнымъ предвѣстникомъ грозы; разохнувшаяся земля, наклоненные къ ней цвѣты, пожелтѣв-

шіе колосья, измученные долгою жаждою, такъ тосковали по водамъ теплыхъ облаковъ! Прихожанинъ изъ Гейма, пахавшій вдали, поклономъ и знаками изъяснилъ ему свою радость, что и онъ наконецъ явился, вмѣстѣ съ дождемъ давноожидаемымъ.

Вотъ уже видитъ онъ изъ земли выходящую низкую колокольную, и вступаетъ въ долину, гдѣ находится домъ пастора, ярко позлащенный вечернимъ солнцемъ. У каждаго окна надѣется онъ увидѣть свою невесту, любующуюся захожденіемъ солнца, пока гроза не затмитъ его; подходитъ ближе и думаетъ найти окна отворенными, а въ праздничной комнатѣ березы Троицына дня, — но ничего не находитъ.

Наконецъ входитъ онъ въ пасторскій домъ; кругомъ мертвая тишина; онъ тихо отворяетъ давно знакомую дверь. Въ комнатѣ пусто; но надъ собою слышитъ онъ движеніе. Онъ идетъ въ верхнюю комнату, полную вечерняго блеска, и видитъ: Юста молится на коленяхъ у постели отца; онъ же сидитъ, полуподнявшись на постели, покрытый необыкновенною болѣзненною блѣдностію, повернувшись худымъ костлявымъ лицомъ къ заходящему солнцу. Невѣста вскрикнула, увидѣвъ друга, и упала къ нему на грудь: говорить она не могла. Отецъ же протянулъ къ нему жесткую, изсохшую руку и сказалъ изнуреннымъ голосомъ: «Ты пришелъ еще во время», не объяснивши, думалъ ли то онъ о проповѣди или о послѣдней разлукѣ.

Юста рассказала въ немногихъ словахъ, какъ старецъ изнуренный занятіями, вдругъ изнемогъ и тѣломъ и духомъ и, ни въ чемъ не принимая участія, такъ сильно желалъ его отъ другихъ, — и какъ онъ, съ обрѣзан-

ными на землѣ крыльями, поднималъ взоры къ небу, словно слабое дитя, умоляя о возвышеніи. Слухъ старика такъ притупился, что ей можно было безъ опасенія разсказывать о немъ-самомъ въ его присутствіи.

Готрейхъ скоро самъ во всемъ удостовѣрился. Возвратившись съ отблескомъ огня сраженія въ груди, онъ такъ желалъ бы вызвать предъ старымъ, но еще сильнымъ сердцемъ, огни побѣдныя, возвыщавшіе Европѣ прекрасный день, подобно багрянымъ вечернимъ облакамъ; но старикъ ни слова не спросилъ о томъ. Онъ не спускалъ глазъ съ солнца, пока наконецъ черныя тучи грозы не покрыли его совершенно; даже война на небѣ, казалось, мало его занимала, и блескъ жизни тускло просвѣчивалъ сквозь глубокій, возрастающій ледъ смерти. Умирающій не знаетъ настоящаго, а одно только будущее и прошедшее.

Вдругъ все кругомъ покрылось мракомъ; вѣтры затаили дыханіе; утомленная земля ожидала въ молчаніи . . . пошелъ проливной дождь и ударилъ громъ. Молнія освѣтила старца, и онъ, измѣнившись и удивленный, посмотрѣлъ кругомъ. «Я опять слышу» сказалъ онъ, — «идетъ дождь. — Говорите же, дѣти, скорѣе; ибо я скоро отойду.»

Удары грома вѣроятно возвратили ему слухъ; но еще вѣроятнѣе, что молнія, легкимъ прикосновеніемъ преобразила все его существо, подобно магнитному полюсу, и приблизила его тѣло къ разрушенію, а духъ къ вѣчному блаженству. Дѣти заключили его въ своихъ объятіяхъ, но онъ самъ былъ слишкомъ слабъ, чтобъ обнять ихъ.

Въ это время, — когда теплыя цѣлебныя воды облаковъ омыли болѣзную землю, и на ней освѣжили все, отъ вы-

сокаго дерева до послѣдней травки, когда прояснившееся небо тихо блистало, словно слеза радости, а громы враждовали между собою на отдаленныхъ горныхъ вершинахъ, — больной указалъ на небо и сказалъ: «Смотрите на величіе Божіе. — Ахъ, сынъ мой, укрѣпи теперь на прощаніе духовною пищею мой разслабленный духъ. Но никакихъ увѣщаній: я въ мирѣ съ моимъ Господомъ. Скажи мнѣ что нибудь утѣшительное о Всемогущемъ и Его дѣлахъ, какъ говорилъ о нихъ въ своихъ весеннихъ проповѣдяхъ.»

Навернулись горькія слезы на глазахъ у бѣднаго сына: онъ подумалъ, что долженъ говорить у смертной постели отца тѣ самыя *Воспоминанія изъ лучшихъ часовъ для послѣднихъ*, которыя онъ сохранялъ для своей собственной смерти. И когда онъ сказалъ ему о томъ, старецъ отвѣчалъ: «поспѣши, сынъ мой.» И тотъ началъ дрожащимъ голосомъ:

«Вспомни о томъ въ мрачный часъ, что блескъ вселенной нѣкогда наполнялъ твою грудь, и что ты узналъ величіе Бытія. Не вглядывался ли ты въ половину безконечности, смотря на звѣздное небо, а днемъ въ другую половину, смотря на солнце? Отжени мысль отъ себя о ничтожномъ пространствѣ и оторвись отъ могилы-земли; тебя окружаютъ какъ средоточіе, — міры надъ тобою, кругомъ тебя, подъ тобою — всѣ движущіе и движимые, — блескъ съ блескомъ, величіе съ величіемъ въ нераздѣльной связи, — всѣ солнца къ одному общему солнцу предъ тобою стремящіяся, — проникни сквозь солнце всѣхъ солнцевъ въ вѣчность; ты не выйдешь въ пустое и мрачное пространство. Пустота только между міровъ, а не вокругъ міра.»

«Вспомни въ мрачный часъ о томъ времени, когда ты въ восторгъ молился Богу, проникнутый величайшею мыслию смертнаго, мыслию о безконечномъ.»

Старецъ сложилъ руки и тихо молился.

«Не узналъ ли ты и не чувствовалъ ли того существа, чья безконечность заключается не въ одномъ могуществѣ, мудрости, вѣчности, но и въ любви и въ правосудіи. Можешь ли забыть тѣ дни, когда лазурное небо дня и ночи представлялось тебѣ кроткими голубыми очами, которыми глядѣлъ на тебя Господь Милосердный? Не ощущалъ ли ты любви безконечнаго, когда она отражалась въ любящихся человѣческихъ сердцахъ,—подобно тому, какъ солнце для нашихъ ночей бросаетъ свой яркій свѣтъ не только на близкую луну, но и на утреннюю и вечернюю звѣзды и на отдаленнѣйшія малыя планеты земли?»

«Вспомни о томъ въ мрачный часъ, какъ въ веснѣ твоей жизни, гробницы казались тебѣ вершинами горъ отдаленнаго новаго міра, и какъ въ избыткѣ жизни узналъ ты цѣну смерти. Свѣжной холмъ могилы согревается для новой жизни замерзшихъ отъ холода старости. Какъ мореходецъ изъ холоднаго, бурнаго, пустыннаго моря вдругъ вступаетъ на берегъ, цвѣтущій въ теплой, изобильной веснѣ, такъ и мы однимъ ударомъ нашей ладьи вдругъ причаливаемъ отъ холодной нашей зимы къ вѣчной веснѣ.»

«Радуйся въ мрачный часъ, что твоя жизнь обитаетъ въ великой далекой жизни. Надъ глыбою шара земнаго вѣетъ духъ Божій. Міръ движется, и каждый листъ древесный есть обитель душъ. Всякая малая жизнь замерзла и упала бы, еслибъ не поддерживала и не согревала ее

кругомъ волнующаяся кипучая жизнь. Море времени сіяетъ, какъ море пространствъ, сквозь безчисленныхъ множествъ свѣтлыхъ существъ; и смерть и рожденіе суть только огненные долины и горы вѣчно волнующагося океана. Нѣтъ остова на землѣ, а что намъ кажется имъ, есть только другое тѣло. Безъ всеобщаго живаго бытія была бы одна лишь долгая, безконечная смерть. Мы прильпиаемся къ Альпамъ природы подобно моху, что питается ихъ высокими облаками; человекъ есть бабочка, порхающая надъ Чимборассо, а высоко надъ бабочкою летаетъ грифъ, распростерши широкія крылья; но и великанъ и малютка, всѣ равно свободно ходятъ по единому саду, и однодневная мошка доводитъ безчисленный рой предковъ сквозь бури и враговъ до своихъ прародителей, нѣкогда игравшихъ передъ захожденіемъ солнца надъ рѣкою Рая. — Не забывай никогда о той теперь тебѣ такъ свѣтло представляющейся мысли, что наше *Я* невидимо переноситъ самыя жгучія душевныя страданія, самыя горячія душевныя радости, между тѣмъ какъ тѣло наше разрывается отъ сильнаго раздраженія. Такъ походятъ души наши на блудящіе огни, что не гаснутъ, играя въ бурное и дождливое время.»

«Можешь ли не вспомнить въ мрачный часъ, что жили до тебя великіе люди, и что и ты слѣдуешь за ними въ страны вѣчности? Возвысь душу свою величіемъ духовъ, что стоятъ на ихъ горахъ и допускаютъ грозы жизни лишь вокругъ себя, но никогда надъ собою. Вызови предъ собою династіи мудрецовъ и поэтовъ, одушевлявшихъ и освѣщавшихъ народы за народами.»

«Говори объ Искупитель» сказалъ отецъ.

«Думай объ Иисусъ Христѣ въ мрачный часъ, который и Онъ испыталъ, объ сладостномъ для ночей человѣческихъ мѣсяцѣ безконечнаго солнца. И жизнь и смерть да будутъ святы для тебя; потому что Онъ раздѣлилъ съ тобою и ту и другую. Да взрастъ на тебя въ послѣдній мракъ Его кроткій, величественный Ликъ, и да покажетъ тебѣ Онъ, свѣтозарный, своего отца!»

Тихій громъ пробѣжалъ въ ту минуту по сумрачно свѣтлымъ облакамъ грозы, и вечернее солнце постепенно озолотило все небо прекраснымъ огнемъ.

«Вспомни въ послѣдній часъ, какъ можетъ любить человѣческое сердце; можешь ли забыть ты ту любовь, которою одно сердце заминаятъ миллионы сердецъ, которою питается душа; въ продолженіи цѣлой жизни; и оживляется одною душою, подобно столѣтнему дубу, что удерживается своими корнями на томъ же мѣстѣ, и сто весень сряду высасываетъ изъ него новыя силы и цвѣты.»

«Упомянешь ли также обо мнѣ?» спросилъ отецъ. —

«И о матери моей» отвѣчалъ сынъ. Юста залилась слезами, услышавши, что ея возлюбленный хотѣлъ утѣшить себя воспоминаніемъ о дняхъ ихъ любви; и отецъ тихо промолвилъ, думая о женѣ своей: «Свиданіе, свиданіе!»

«Вспомни же въ мрачный часъ» продолжалъ онъ «о часахъ безсмертныхъ, когда жизнь была для тебя такъ прекрасна, такъ не объятна, — когда ты весною плакала отъ радости, — когда ты молился, вознесенный горь, и Господь предсталъ предъ тобою, — когда ты нащелъ первое и послѣднее сердце любви, — и на вѣкъ сомкну радостно очи!»

Вдругъ гроза разсклалась на двѣ высокія черныя горы,

и далекое солнце, словно изъ глубины между рядами скалъ, взглянуло на землю сверкающимъ отъ радости родительскимъ окомъ. Тогда сказалъ умирающій старецъ: «какая молнія!»

«Это вечернее солнце, батюшка!» «Да я увижу ее опять, нынче же увижу» — продолжалъ отецъ, думая о давно почившей супругѣ. Здѣсь сынъ отъ сильнаго волненія уже не былъ въ состояніи передать отцу описаніе блаженства земнаго свиданія послѣ разлуки, которымъ онъ нынче заранѣе наслаждался дорѣгой; онъ не могъ сказать ему, что свиданіе послѣ разлуки вновь возводитъ любовь на высшую степень и что если первое свиданіе встрѣчи исчезло въ туманъ будущности, то взглядъ на цвѣты будущаго соединяетъ плоды прошедшаго въ одинъ пучокъ. И какъ бы могъ онъ выказать умирающему всю прелесть земнаго свиданія, когда тотъ уже устремилъ очи на блескъ надземный!

Въ испугъ спросилъ онъ: «отецъ, каково тебѣ? — «Я вспоминаю въ мрачный часъ о томъ . . . о томъ . . . — и смерть также хороша для отходящаго въ Христъ...» прошепталъ про себя старецъ и взялъ руку Готрейха, не сжимая впрочемъ ея, ибо это было только обыкновеннымъ безсознательнымъ движеніемъ умирающихъ. Онъ все еще думалъ слышать сына и сказалъ съ возрастающимъ восторгомъ и ясностію: «о Боже мой всемилосердный!» Ложныя солнца (*) жизни потухли и уже только одно солнце оставалось въ его душѣ и это солнце было Богъ!

Вдругъ онъ приподнялся, съ силою протянулъ руки и

(*) Паргелія, воздушное явленіе.

воскликнулъ: «На небѣ надъ вечернимъ солнцемъ три прекрасныя радуги; я долженъ идти вмѣстѣ съ солнцемъ и слѣдовать за нимъ.» Тутъ упалъ онъ назадъ, и душа, совершивши земное, отлетѣла на небо. Тогда только закатилось солнце, а блескъ его все еще отражался въ далекой радугѣ на востокъ.

«Онъ отошелъ отъ насъ къ своему Богу, сказалъ прерывающимъ голосомъ Готрейхъ Юсть, среди великихъ тихихъ радостей; такъ не рыдай же такъ горько, Юста!» Но тутъ слезы, имъ доселѣ удерживаемыя, потоками хлынули изъ глазъ, и онъ прижалъ руки усоншаго къ своимъ горячимъ глазамъ. Становилось темно, и чуть слышный теплый дождь накрапывалъ на сумрачную землю. Любящіе оставили тихій образъ и въ умиленіи оплакивали свое солнце, въ радостномъ блескѣ перешедшее изъ бурныхъ облаковъ жизни къ другому утру.

ЛУНА ДНЕМЪ (*)

Съ потухшимъ ликомъ, земнаго цвѣта, въ глубокой скорби катилъ по небу луна свою колесницу предъ огненными колесами цвѣтущаго Аполлона, и все оглядывалась на пы-

(*) Не многимъ читательницамъ нужно замѣтить, что новый мѣсяцъ восходитъ вмѣстѣ съ солнцемъ; что онъ затмѣваетъ его въ нашихъ глазахъ, когда становится передъ нимъ; когда же совершенно покрывается, то соловьи начинаютъ пѣть, цвѣты наклоняются къ землѣ, звезда Венера восходитъ на небо и проч. и проч.

Но въ
мѣсяцъ
восходитъ
и видны
а заходятъ
на третий день

лающій радостный обликъ брата, чтобъ любить его и утѣшиться; день похитить у нее ея дорогаго Эдимиона: онъ поконится въ своей пещерѣ, крѣпко скованный цѣпями безсмертнаго сна; тицетно вздыхаетъ его возлюбленная о минувшемъ, когда бывало она спустится подъ мантиюю ночи къ усыпленному другу красавцу, долго съ трепетомъ глядитъ на него, — полная страсти все ближе и ближе наклоняется, и наконецъ убѣгаетъ, быстро сорвавши поцѣлуй съ вѣчныхъ розъ его юныхъ устъ. —

«О взгляни туда, братъ мой, (говорила она Фебу, стараясь скрыть свою нѣжную скорбь) всѣ фіалки мои отъказываютъ мнѣ въ своемъ ароматѣ, и изливаетъ его, когда я скрываюсь. Тебѣ же столько тысячъ цвѣтовъ открываютъ свое сердце!»

И въ глубокой тоскѣ опустила она взоры на утомленную, горячую землю, полную дымныхъ столбовъ и умирающихъ тѣней; тамъ увидѣла она двухъ любящихъ, ей никогда не встрѣчавшихся подъ полною ея колесницею. — Аргусъ дня ихъ всегда сопровождалъ; — никогда еще имъ не случалось вмѣстѣ слушать соловья и смотреть на улыбающіяся звѣзды, чтобъ потомъ тѣмъ сладостнѣе забыть все, кромѣ самихъ себя; нѣжные звуки любви долѣтали до нихъ сквозь свѣтскій шумъ; — и нѣжные сердца, какъ мѣсяцъ стыдливыя, не расточая сокровищъ любви, просили у дня даровать имъ лишь одно минутное свиданіе, безъ пожатія руки, безъ перваго поцѣлуя.

Блѣдная, охраняемая братомъ луна, почувствовала въ собственной груди нѣжные страданія и желанія чуждой любви. О! любовь прощаетъ любовь и благоговѣетъ предъ нею! «Возлюбленный братъ, сказала она умоляющимъ го-

лосомъ, взгляни въ Делюсъ на твой подсолнечникъ, на лавръ твой, на гіацинтъ, на кинарьсѣ и на ладонь, какъ жаждутъ они и, утомленные, наклонились къ землѣ! Взгляни на любимцевъ и пролей на горячія вѣтви освѣжающую каплю росы! Дозволь мнѣ, мой возлюбленный, накинуть мантию ночи на твоихъ дышущихъ огнемъ коней!

Потуши на время пламя, отвѣчалъ съ улыбкою Тебѣ, разгадавши тайное желаніе сердца своей сестры. И какъ дождь вечерній, прохладная минутная ночь низпала на любящую чету! Какъ удивились вы, счастливыцы: внезапно замолкли щебечущія кинарейки, а жаворонки съ громкими пѣснями взвились въ вышину — ночныя фіалки раскрылись и принесли свою сладостную благовонную вечернюю жертву — на землѣ, покрытой густымъ мракомъ, полной любовнаго безмолвія, ярко загорѣлись вулканы; черныя облачныя столбы превратились въ столбы огненные и взлетали къ звѣздамъ — соловей проснулся среди усиленныхъ цвѣтовъ, мелодическіе стоны вырвались изъ переполненной груди и онъ разлился въ прекрасныхъ жалобахъ — — по вы, любящіе, не долго восхищались дивной картиной: сердце обратилось къ сердцу, глаза обратились къ глазамъ. — О, блаженные! съ сомнѣніемъ и трепетомъ, въ пылу страсти, упоенные слезами, подобно окружающимъ васъ цвѣтамъ, которыхъ краткая ночь окропила росой, вы робко смотрите другъ на друга, снѣшите насладиться убѣгающимъ прекраснымъ мракомъ, и не рѣшаетесь на первое рукожатіе. — Но невинныя сердца, очарованныя и изумленные радостнымъ затмѣніемъ, подобно пчеламъ заключеннымъ въ тюльпанъ, мгновенно

свернувшись надъ ними листы свои, забыли первый страхъ, — и сладостно припали другъ къ другу, и уста прикоснулись къ устами, и душа замерла въ первомъ лобзаніи; ликованіе союзя отозвалось имъ дальнимъ эхомъ, и алмазы заблестали на обожаемомъ сердцѣ, какъ будто возвращая не только заимствованный отъ солнца блескъ, но и сіяніе радости.

Засверкали очи Луны, увлажненные страстнымъ томленіемъ: быстро и смѣло стала искать она на мечтательно-освященной землѣ пещеру Эндиміона, — нашла гору Латмусъ и возлюбленнаго; рѣзвые свѣтлые червяки играли въ гротъ около его розовыхъ ланитъ. Смущенная, не замѣчая своихъ слезъ, оглянулась она вокругъ себя, и видитъ: Венера, улыбаясь, стоитъ подлѣ ея брата. Загорѣлъ румянецъ на ея лицѣ, и она быстро сорвала покрывало ночи съ пламенныхъ коней; — день снова своимъ далекимъ блескомъ озарилъ всю землю. Любовники проснулись, какъ будто на утрѣ, но утренняя заря блистала лишь только на ихъ румяныхъ ланитахъ; полные счастьемъ глядѣли они на свѣтлую, юную, ликующую землю, на блескъ росы въ ожившихъ свѣжихъ цвѣтахъ. Луна же, истомленная сильнымъ желаніемъ, медленно слѣдовала за быстробѣгущимъ свѣтозарнымъ юношею, и все болѣе и болѣе отставала отъ него, пока ночь ее не настигла: тогда и она, стыдливая дѣва, снова узнала блаженство. —

Съ Игм. П. Бецкій.

Харьковъ. 1842.

Апрѣля 23.

ЭКСПРОМПТЪ.

(Изъ Байрона).

=

Когда заметишь ты, что мрачною печалью,
Какъ тучею, мои черты заволокло,
И по челу, какъ будто крѣпкой сталью,
Бразды глубокія унынья провело;
На грусть мою не обращай вниманья...
Мой другъ, оставь меня страдать въ тиши, —
На краткій мигъ мои тяжелыя страданья
Выходить на чело изъ глубины души.

Наталя Васильковичъ.

Москва. 1839.

—

ДЖУЛЬЕТТА КАПУЛЕТТИ.

=

Упали двѣ звѣздочки съ неба,
Когда родилась она.
Лишившись двухъ перловъ небесныхъ
Ночь стала темна и грустна...

Подъ тѣнью рѣсницъ свѣтлоюкой
Небесныя звѣзды горять,
И сердце земнаго красавца
Полуденнымъ солнцемъ палить.

Но буря житейскихъ волненій
Чудесный цвѣтокъ сорвала;
Краса его жизнью мною
На почвѣ мной разцвѣла.

Двѣ звѣздочки блещутъ на небѣ: —
Ночь радости прежней полна;
Земля подъ холодной росой,
Какъ мраморъ могильный грустна....

Харьковъ.

* * *

Я не приду на праздникъ шумный
Къ вамъ, сердцу милые друзья,
Дѣлиться чувствами безумно
Уже давно не въ силахъ я.
Со мной повсюду неразлучны
Противорѣчаніе сны:
Всѣ ваши радости — мнѣ скучны,
Всѣ ваши горести — смѣшны!

Т Р И Д А Р А .

(С. Н. М—у.)

=

Въ усладу сей жизни три дара
Судьбой челоуѣку дано:
То дружба, любовь и сокъ гроздїй
Цѣлитель бѣдъ жизни — вино.

Но время любви скоротечно:
Чуть въ кудряхъ блеснетъ сѣдина,
Киприда даетъ намъ отставку:
У ней не въ чести старина.

Но друга съ подругою вѣрной
Не каждый изъ смертныхъ найдетъ:
Иной тщетно вѣкъ ихъ прощеть,
Безъ нихъ и въ могилу сойдеть.

Лишь ты, чудный сокъ винограда,
Товарицъ намъ вѣрный всегда —
И въ юные дни, и подъ старость,
И въ часъ какъ настанетъ бѣда.

Вступающихъ въ свѣтъ мы встречаемъ
Бокаломъ съ шипящимъ виномъ,

Виномъ поминаемъ усоншихъ —
Мы съ горя и съ радости пьемъ.

Въяцы золотой и лавровый
Другимъ уступаетъ мудрецъ;
Онъ знаетъ: изъ плюща и хмѣля
Одинъ лишь безъ терній въянецъ.

Три дара судьбой человѣку
Въ усладу сей жизни дано;
И все они чудно прекрасны,
Но лучший изъ нихъ есть вино!

Руэль.

1839. С. П.

У Е Д И Н Е Н І Е .

Струями звонкими по рощѣ разливался,
Мой слухъ лелѣли напѣвы соловья....
Проснулася лебедей прибрежная семья:
Она внимала имъ, задумчиво плескаясь
Въ нѣмыхъ волнахъ уснувшаго ручья....
Одежды разметавъ, Хіотка молодая
Неслась ко мнѣ воздушною тропой;

Вздыхалась грудь ея пагая,
И кудри сыпались каштановой волной;
На гибкій станъ прозрачные покровы
Накинула красавица слегка.....
Моей руки коснулася сурово
Ея лилейная, горячая рука.....
Зачѣмъ слѣдишь меня, Хіотка молодая! —
Несносенъ мнѣ ревнивый твой укоръ:
Я здѣсь веду спокойный разговоръ
Съ природой мирною, пѣвцу весны внимая;
И жаждетъ звуками и вѣтеркомъ дохнуть
Моя усталая, взволнованная грудь. . . .

Харьковъ.

Бываютъ дни недуга роковаго:
Напрасно я гляжу кругомъ,
Среди тревогъ волненія земнаго
Улады сердцу нѣтъ ни въ чемъ:
Мнѣ тяжело цвѣтовъ благоуханье,
Докученъ свѣтъ роскошный дня,
И звуковъ сладостныхъ живое сочетанье
Не трогаетъ меня.

Но есть часы отраднаго безумства:
Печаль минувнаго забывъ,
Я все готовъ почтить привѣтомъ чувства,
Платя отзывомъ на призывъ.
И грустныя дотолъ впечатлѣнья
Мнѣ кажутся такъ дивно хороши,
Что я бь хотѣлъ имѣть въ подобныя мгновенья
Два сердца, двѣ души.

ДАРЪ ПРОМЕТЕЯ.

=

I.

Лишь заалѣется надъ синими горами,
И отблескъ зарева падеть на облака,
Блмстая легкими прозрачными струями
Въ роскошныхъ берегахъ уляжется рѣка,
Дневной заботою и зноємъ утомленный,
Спѣшу я броситься на мягкій дѣринь луговъ:
Душою отдохнуть въ тиши уединенья;
Забыть и горести и сладости трудовъ;
Забыть людей, отвергнувшихъ природу,
Природой брошенныхъ въ невѣдомую тьму,
Желавшихъ покорить творенія свободу
Искуству жалкому, безсильному уму....

II.

Когда мы приняли огонь самосозданья, —
Природа спрятала въ свою темную грудь
И тайны ясныя и легкія познанья
И терніемъ усынала нашъ путь . . .
И блѣденъ пламенный блестящій Прометей,
И сталь ужъ онъ примѣтно догарать,
И мало силъ у насъ, и нѣтъ у насъ елей
Божественный свѣтильникъ поддержать . . .

Харьковъ.

КЪ ПОРТРЕТУ СУВОРОВА.

Искусства побѣждать онъ тайну всю постигъ,
Умѣлъ, когда, и гдѣ, и какъ сразиться ¹,
Онъ зналъ все то, что можно знать изъ книгъ,
Да зналъ и то, чему не можно научиться ².

1. Императрица Екатерина II-я спросила однажды Суворова, «въ чемъ состоитъ главное искусство побѣждать?» И Суворовъ отвѣчалъ: «умѣть сразиться и гдѣ хочешь, и когда хочешь, и какъ хочешь.»
2. К. Д. Ив. Лобановъ, какъ онъ самъ рассказывалъ спросилъ для своего К. Н. В. Репнина: «Правда ли, что Суворовъ хорошо учился, и много знаетъ?» и К. Репнинъ отвѣчалъ, «онъ знаетъ все, что мы знаемъ, да мы не знаемъ всего, что онъ знаетъ»

Какъ Цесарь онъ ногами воевалъ ³,
И голова его хвоста не дожидалась: ⁴
Онъ у другихъ победу вырывалъ, ⁵
А у него она не вырывалась.

Какъ нѣкогда онъ самъ сказалъ,
И какъ потомъ вселенная сказала:
«И тактику Суворовъ зналъ,
«И тактика Суворова узнала» ⁶.

К. А. А. Шаховской.

Харьковъ.

-
3. Суворовъ говаривалъ о Цесарѣ, котораго называлъ своимъ учителемъ, въ быстротѣ походовъ и нападений: «Цесарь побѣждать ногами.»
 4. Правило Суворова въ достиженіи или предупрежденіи непріятеля.
 5. Принцъ Кобургскій, начальникъ Австрійской арміи.
 6. Одинъ изъ старшихъ Генераловъ, сказалъ какъ бы въ укоръ Суворову, котораго онъ ни знанія, ни дарованія не могъ постигнуть: «Каменскій у насъ лучше всѣхъ тактику знаетъ.» Да, «отвѣчалъ Суворовъ. Каменскій тактику знаетъ, тактика знаетъ Суворова, а нашего Сіятельства ни тактика не знаетъ, ни въ тактики не знаетъ.»

КЪ ПОРТРЕТУ ТРЕДЬЯКОВСКАГО.

=

Всѣ надъ тобой смѣются нынче: ибо
Куда бездаренъ ты, хоть работающъ какъ вошь,
Но вмѣсто виришь, ты къ намъ стопосложенъ ввель,
За что тебѣ спасибо.

К. А. А. Шаховской.

Харьковъ.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ МОИХЪ ДѢТЕЙ.

=

Я помолился — и Творецъ
Внялъ грѣшныхъ устъ моихъ моленья,
И дивный благостью Отецъ
Не презрѣлъ скорбнаго прошенья.
Онъ вновь призвалъ ихъ къ жизни сей,
Онъ даровалъ имъ новы силы,
И возвратилъ любви моей
Стоявшихъ на краю могилы.
Кто Велий — силенъ яко Богъ?
Дивенъ Богъ, творяй чудеса!

Болезнь внезапная, какъ молніи ударъ,
Постигла ихъ во цвѣтъ дней;
Я созвалъ на совѣтъ врачей
И съ трепетомъ отвѣта ждалъ.

Врачи достойные, искусство истощая,
И скорбь души моей душою постигая,
То облегчали ихъ страдальный путь земной,
То вмѣстѣ плакали со мной!
И тщетны были всѣ старанья!
Губительный огонь въ груди больныхъ пылалъ,
Ихъ дикій взоръ вокругъ блуждалъ,
И страшны были ихъ стenanья!...
Языкъ ихъ нѣмъ, безчувственъ слухъ,
Туманомъ очи ихъ покрыты,
Какъ угль уста полуоткрыты
И отшель ихъ свѣтлый духъ!...

Тяжка намъ, скорбна, смерть дѣтей!
Страданья ихъ невыносимы!
Но намъ ли, мудростью своей,
Постигнуть Божіи суды непостижимы?
Я палъ предъ Нимъ въ слезахъ, молился, и Творецъ
Внялъ грѣшныхъ устъ моихъ моленья,
И дивный благостью Отецъ
Не презрѣлъ скорбнаго прошенья.
Онъ вновь призвалъ ихъ къ жизни сей,
Онъ даровалъ имъ новы силы
И возвратилъ любви моей
Состоявшихъ на краю могилы!
Кто Велий — силенъ яко Богъ?
Дивенъ Богъ, творяй чудеса.

К. Ц.

**КНЯЗЬ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ
ШУЙСКІЙ.**

Съ Баторія лавры побѣды сорвавъ,

Князь Шуйскій въ Москву воротился;
И царскую милость за подвигъ пріявъ,

Къ себѣ на покой удалился;
Пируеть, съ друзьями бесѣду ведетъ,
И нищимъ привѣтно дары раздаетъ.

И весель бояринъ, доволенъ судьбой;

Родимой страны за свободу
Онъ грудью могучей, могучей рукой
Служилъ и Царю и народу.

Бояринъ веселыхъ гостей отпустилъ, —

И славный гадатель къ нему приступилъ.

«Послушай, кудесникъ! Бояринъ сказалъ:

Повѣдай, что будетъ со мною?

Я счастливъ; мнѣ долю завидную далъ

Царь Грозный за трудъ; но съ тобою

Таиться не стану.... та доля.... она....

Самъ знаешь, какія теперь времена.»

Кудесникъ ни слова; казалось, онъ

Грядущаго въ даль погружался,

И чѣмъ-то недобрымъ, зловѣщимъ смущень,
Чего-то открыть не рѣшался;
Чело его мрачно, и пасмуренъ взоръ —
Въ томъ взоръ и жалость, и страхъ, и укоръ.

«Ну что же кудесникъ? — зачѣмъ ты молчишь?

Что будетъ — скажи! открыва:

Грядущее горе, меня не смутитъ;

Не дрогнетъ душа боевая:

Знакомы ей радость и горе земли;

Лишь только позора, старикъ, не сули.»

«Могучъ ты, бояринъ — Кудесникъ въ отвѣтъ:

По правдѣ народъ тебя любитъ:

Умомъ тебѣ, славой, ровесника нѣтъ;

Но слушай, бояринъ: погубить

Татаринъ, погубить тебя; клеветы

Мечемъ богатырскимъ не вырубитъ ты.»

«Темница; позорная петля» . . . но тутъ,

Какъ левъ разъяренный бояринъ

Воспрянулъ — «Молчи, окаинный! . . . иль ждуть

Тебя эти гости! . . . Татаринъ?

Какой и откуда Татаринъ поди!»

Вотъ плата за бредни . . — Ни слова жъ . . . гляди! . . .»

Кудесникъ взялъ деньги, отвѣсилъ поклонъ

И вышелъ: — а Князь? . . . ретивое

Заныло впервые боязнию: онъ

Въ грядущемъ прочелъ роковое.

А если свершится судьбы приговоръ?...
Не смерть сокрушаетъ — ужасенъ позоръ.

Шли годы — Царь Грозный скончался; возсѣлъ

Осдоръ на тронъ Мономаха,

И снова Князь Шуйскій орломъ полетѣлъ

Съ дружиной на Шведа и Ляха;

И снова, любимый народомъ, герой

Вернулся, увитый трофеемъ, домой.

И веселъ Князь Шуйскій въ раздумьи пировъ;

Но прочвы ли дни счастья были?

У трона явился Борисъ Годуновъ,

И въ смрадной тюрьмѣ удавили

Защитника Пскова — свершилось!... Герой

Палъ чистою жертвой предъ злобой судьбой.

Недоминъ.

Харьковъ.

КРУЧИНА ДОБРАГО МОЛОДЦА.

=

I.

Разъ приглянулся яснымъ звѣздочкамъ

Свѣтель мѣсяцъ — добрый молодецъ,

И пришли они съ челобитицемъ

Къ свѣтлу мѣсяцу — добру молодцу:

У тебя-ль у мѣсяца высокъ теремъ;

Изукрашенъ онъ лучше боярскаго;

Не изъ простаго камня блага,

Изъ самоцвѣтной бирюзы состроенный.
Въ ширину, въ длину не семи сажонъ,
И надъ цѣлою землею онъ красуется.
Ты одинъ господинъ въ своемъ теремъ,
Какъ Адамъ въ раю, похаживаешь,
Ясными очами посматриваешь,
Русую бородку поглаживаешь,
По плечамъ кудри разбрасываешь.
А постель у тебя золоты облака, —
Она мягче, пышнѣй невѣстиной.
Ты со сна встаешь — умываешься;
Съ твоихъ рукъ идетъ вода чистая
На поля росой серебристою.
Ты, умывшись, утираешься
Не ширинкой простой, а радугой
Изукрашенной, разноцвѣтною,
Шолкомъ шитою краснымъ солнышкомъ.
Много есть у тебя, добрый молодецъ,
Добра всякаго и угодищевъ,
Только нѣтъ у тебя красной дѣвицы,
Нѣтъ подруженьки ясной звѣздочки....

Выбирай себѣ изъ звѣздочекъ
Подруженьку-разлапушку,
Своему терему хозяйошку.

II.

Много на небѣ ясныхъ звѣздочекъ,
На святой Руси красныхъ дѣвушекъ.

На меня знать нашло
Зло безвременье,

Что еще ни одной

Не приглянулся....

Льются кудри волной

... Золотистою;

Горятъ очи мои

Яснѣй мѣсяца.

На щекахъ у меня,

... Добра молодца,

Заря красная

Разливается.

Губы алмазъ,

Какъ у дѣвушки,

Краше ягоды

Малинушки.

Они сахаромъ

Разсыпаются,

Цѣловать - миловать

Порываются.

Сердце жаркое,

Молодецкое,

На Москвѣ-рѣкѣ,

Нашей матушкѣ,

На Крещенье лѣдъ

Разтопило-бы....

Выходи на меня

На кумачномъ бою,

Хоть Татаринъ, хоть чортъ

Съ чертенятами!....

Отчего-жъ это я,
Добрый молодецъ,
Или одной душъ
Не приглянулся?...

=

Засымаю сватовъ
Имъ отказываютъ....
Инда съ горя иду
Самъ посвататься:
Не съ невѣстой домой
Ворочаюся,
А несу на плечахъ
Двери съ притолокой.
Старый хрычъ проворчить:
«Не туда зашелъ!»
И разсердить меня,
Растворяя дверь.
Оттого нашъ посадь
Безъ дверей стоитъ,
Что я въ каждую избу
Ходилъ свататься;
Оттого нашъ посадь
Разорёнъ, не покрытъ,
Безъ оконъ, безъ дверей,
Какъ пустырь стоитъ,
Что всё ищутъ отцы
Краснымъ дѣвушкамъ
Не такихъ жениховъ,
Какъ я молодецъ,

А богатыхъ купцовъ,
Иль приказчиковъ...

—

А и всё-жь таки я

Не придумаю, —

Отчего-бы мнѣ,

Добру молодцу,

Ни одной душѣ

Не приглануться?...

Н. Щербина.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

—

Кантъ разъ, можетъ быть, въ свою жизнь съострилъ, — и довольно удачно. — Была свадьба: пріятель его мѣтъ 60-ти женился на 18-тилѣтней дѣвушкѣ. Изъ церкви повѣхали къ новобрачнымъ; повѣхалъ и Кантъ. По нѣмецкому обычаю долженъ былъ каждый изъ гостей изустно пожелать имъ счастія. Взявъ шляпу и трость, Кантъ собирался выйти незамѣтно изъ комнаты, — но вдругъ на порогъ былъ остановленъ молодыми. «Вы должны же намъ пожелать чего-нибудь» сказалъ 60-тилѣтній мужъ, подводя къ нему 18-тилѣтнюю жену свою. «Да, непременно» прибавила она, улыбаясь. Кантъ посмотрѣлъ на нихъ въ раздумьи и сказалъ: «желаю вамъ многочислен-

наго потомства, но сперва—дѣтей; впрочемъ ихъ ожидать трудно, а опасаться можно.»

Однажды Князь *** явился по службѣ къ Генералу ** во всей парадной формѣ. Этотъ принялъ его очень дружески. — «За одно извините» сказалъ Князь *** «приѣхалъ къ вамъ не бритый». — «Э, полно, братъ!» отвѣчалъ Генералъ ** «на что тебѣ бриться: лизни языкомъ на право да на лѣво — и готовъ.»

Вообразите себѣ, что все живущее на землѣ было бы стерто съ лица ея какимъ-нибудь всемірнымъ переворотомъ, такъ что не оставалось бы на ней никакихъ слѣдовъ человѣческихъ — и только одна природа лежала бы въ мертвомъ оцѣпенѣніи на безмѣрномъ пространствѣ своемъ въ торжественномъ величіи. Пустите на эту опустѣлую землю одинокое существо, одаренное, подобно человѣку, всеобъемлющею душою; оно подойдетъ къ морю, станетъ вслушиваться въ мрачный, гармоническій ропотъ валовъ его — и въ этомъ ропотѣ узнаетъ *Байрона*; на листочкахъ пробившихся изъ подъ снѣгу цвѣтовъ прочтетъ стихи *Дельвига*, *Батюшкова*; вѣтеръ въ Кавказскихъ ущеліяхъ провозетъ ему повѣсть о *Муллы-Нурѣ*; фонтанъ въ Крыму прожурчитъ поэму *Пушкина*; радужный лучъ мѣсяца нарисуетъ *Свѣтлану*. Трудъ Генія также долговѣченъ, какъ природа, вдохновившая его.

Слово: *Parlement* непременно должно происходить отъ двухъ глаголовъ: *parler et mentir*: on y parle et on y ment.

Куда дѣваются звѣри и птицы послѣ своей смерти? Кто хоронить эти безчисленные трупы? Отчего ихъ нигдѣ не видно? Я не говорю здѣсь о ручныхъ животныхъ или о тѣхъ дикихъ, которыя были насильственно лишены жизни.

Для пѣтуха и курицы самый сильный ядъ — перецъ, для свиньи — горчица; а Петръ Ивановичъ вѣсть ее ложками. Странно!

Б** былъ отъявленнымъ врагомъ музыки. — «Для меня пѣть ничего несноснѣе оперы», говорилъ онъ, «когда я бываю въ театрѣ, мнѣ кажется, что съ начала до конца все тянуть одну и ту же ноту. Это невыносимо!»

Какъ двусмысленны бываютъ иной разъ письма. Вотъ одно, списанное со всевозможною точностію: «Ваше Графское Сіятельство! извѣстно мнѣ, что по волѣ Правительства доставляются въ Петербургъ со всѣхъ странъ Европы любопытныя рѣдкости древнихъ временъ, въ событіи нынѣ несуществующихъ, за что представляющіе не остаются разными наградами. Почему и я, бѣдная вдова, принимаю смѣлость представить Вашему Графскому Сіятельству оставшійся послѣ смерти мужа моего зубъ весомъ 6-ть фунтовъ, — и по такой тяжести и величинѣ полагаю долженъ быть давнихъ столѣтій, и едва ли въ нынѣшнихъ временахъ есть въ существованіи подобныя животныя. Ваше Графское Сіятельство! покорнѣйше прошу тотъ зубъ представить куда слѣдуетъ, а я буду ожидать

тѣхъ счастливейшихъ минутъ извѣщенія Вашего, когда буду удостоена принятіемъ онаго въ рѣдкости.

Остаюсь покорнѣйшая слуга

*** Губерніи, ** уѣзда, Помѣщица

Тётѣлярная Совѣтница * *

Зубъ, доставленный при письмѣ оказался однимъ изъ самыхъ испорченныхъ мамонтовыхъ. Вѣрьте, послѣ этого, жёнамъ.

На вывѣскахъ неправильно пишутъ: зубной врачъ; надобно читать: *зубной рвачъ*. Мнѣ все кажется, что это опечатка.

Домъ Г-жи Р. въ Парижѣ, которая нѣкогда славилась своей красотой, умомъ и интригами, былъ великолѣпно отдѣланъ. Виконтесса Д* пріѣхала къ ней разъ съ визитомъ. — «*Mais votre hôtel est superbe*», сказала ей Виконтесса, осмотрѣвъ комнаты, «*c'est vraiment fabuleux*» — «*Peut être, Madame*», скромно отвѣчала Р., «*car ce sont les comptes (comptes) de mille et une nuits.*»

П. И. Лука.

ВЪ АЛЬБОМЪ.....

Бывало Скиѣ, нашъ предокъ круглолицой,
Склонивъ къ рукамъ закованнымъ главу,

Смиренно шелъ за Римской кольсницей,
Служа рабомъ чужому торжеству. —
А нынѣ Скиѣ гордится, созерцая,
Какъ дочери его родной земли,
Красою чувствъ возвышенныхъ сіяя,
На торжество въ Римъ древній притекли;
Какъ ихъ душа въ развалинахъ пылаетъ;
Какъ Римлянинъ, нашъ данникъ въ свой чередъ,
Ихъ кроткой плынь съ покорностью несетъ
И языкомъ Петрарки нахващаетъ. —

С. Шевыревъ.

1830. Римъ.

ИЗЪ В. Г.

Какъ въ дремлющемъ прудѣ подъ тѣнію древесной,
У смертнаго въ душѣ два зрѣлища совмѣстны:
Въ ней видимы — небесъ лазуревый покровъ
Съ его свѣтилами и ликомъ облаковъ —
И тинистое дно, гдѣ зелья коренятся,
И гады черные во мракъ шевелятся.

В. Бенедиктовъ.

СТРАННИЦА.

=

«Откуда ты идешь, съ своей котомкой?

«Я далекѣ, родимый мой, была!

Два раза я ходила въ Соловки,

И по морю плыла въ большемъ *Карбасѣ*:...

На Соловкахъ есть древній монастырь,

И онъ, какъ рай Господень, изукрашень.

Тамъ жемчугомъ засыпаны иконы,

И золото горить на нихъ какъ жарь!

Высокія, какъ день, бѣлѣютъ стѣны,

И зеркаломъ свѣтлѣетъ голубымъ

Святыню ихъ цѣлующее море.

А говорить: оно сердито

Бываетъ къ осени глухой:

Глубоко вспахано, изрыто

До дна невидимой сохой,

И все туманами покрыто,

А въ тѣхъ туманахъ звонкій вой....

И бѣлошерстными стадами

Несутся волны къ берегамъ,

И льды, встрѣчаясь со льдами,

Бугры, летя на бой съ буграми,

Трещать..... Сорятся искры съ свистомъ,

И часто, въ поздніе часы,

Окрашены валовъ власы

Въ какомъ-то заревѣ огнистомъ...

«Но я, родной, тѣхъ страховъ не видала;
Я въ *Соловки* пускалась по веснѣ;
Весною всё тамъ было въ тишинѣ,
И благодать надъ моремъ почивала.
Какъ праздникъ былъ дологъ и веселъ *тамъ* день,
А ночь коротка; лишь минутная тѣнь,
Являясь, свиваясь, какъ дымъ, уходила,
И рано край неба заря золотила;
И весело прыгалъ усатый *Тюлень*,
Гонясь за кормою пловучей;
И, выставляя зубы какъ будто ножи,
Кружились, ныряли, толпами, *Моржи*,
И стадо всплывало *Сивучей*

Θ. Глинка.

ПИСЬМО О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

КЪ К. Е. П. М.

(Петербургъ 1831 года).

Богомудрое изрѣченіе: не вѣсте, что утро принесетъ,
научило меня не отлагать до завтра, что можно сдѣлать
сегодня, и потому, не дожидаясь отвѣта В. С. на мое

первое письмо, и пользуясь отдыхомъ отъ болѣзни, я принимаюсь за второе. Если вы не найдете ни въ томъ, ни въ этомъ ничего новаго для вашихъ свѣденій и удовлетворительнаго для вашего разсудка, то надѣюсь, что они не оскорбятъ души вашей ни пристрастiemъ къ чужому, ни подслугой къ своему. Я легко могу обманываться, но не хочу и не имѣю нужды обманывать другихъ. Время утѣшило мои тщеславныя желанія, а фортуна обо мнѣ, такъ же какъ и я объ ней, мало заботилась, и, не помѣшавъ моей независимости, приучила къ умѣренности. Благодаря Бога, я въ силахъ еще довольно разшатанный челнокъ моей жизни до близкой уже пристани, не цѣпляясь ни за старые корабли, ни за новые пароходы. Доживая мой вѣкъ на благодатной родинѣ нашей, какъ Богъ велитъ, я сохраняю свободу духа и слова: они не заклепаны въ груди моей обязательствами милостивцевъ. Господь меня всегда отъ нихъ охранялъ, и такъ ничто не заставляетъ меня криводушничать или лжесвидѣтельствовать, и я пишу отъ того, что

«Не терпѣть сердце тѣмоты.»

Такъ сказалъ бывший Князь С. А. Шихматовъ, а теперешній Иеромонахъ Аникитъ, котораго лирическая поэма, Петръ Великій, исполнена краснорѣчiemъ души, богатствомъ языка и поэтическими восторгамъ, внушеннымъ величiemъ воспѣтаго имъ героя; съ его же священной памяти я хочу, сколько силы мои позволяютъ, смести пыль, намахавшую крылами времени, и воздать должную честь и благодареніе, кому они слѣдуютъ.

Убѣжденный, что глумливая пытливость нынѣшнихъ всесудей хочетъ разсматривать Великихъ Государей глазами

нѣ уиѣдѣ
въ Лѣтн-
цахъ —
1842 г.

ихъ спальниковъ, для которыхъ, по французской пословицѣ, нѣтъ героевъ, и что всегдашнее народное радушіе не терпитъ нисколько тѣней въ изображеніи его благодѣтелей, я никогда не рѣшусь быть жизнеописателемъ того, чьи спальники померли на нашей памяти, и благодѣленія живы въ насъ самихъ и во всемъ насъ окружающемъ.

Храмъ исторіи воздвигнуть надъ могилой пристрастія; а я люблю память Петра Великаго также страстно, какъ сынъ любить память отца, чьимъ именемъ онъ возвышается въ собственныхъ глазахъ, и превозносится предъ чужими; какъ питомецъ любить наставника, сообщившаго ему высокія наслажденія души: то захочу-ли отыскивать родимыя пятнушки подъ порфирой, бывшей священнымъ покровомъ моего отечества и благодѣлительною сѣнью, подъ коей оно выросло, просвѣщалось и возмужало. Нѣтъ, я даже боюсь рассмотреть въ житейской слабости величайшаго изъ Самодержцевъ, нѣчто такое, что будетъ мнѣ, какъ Русскому, горько обнаружить, а какъ историку, безчестно утаить, и ограничиваюсь Расиновымъ двуступнемъ.

Je ne me suis chargé dans cette occasion,
Que d'excuser Cesar d'une seule action.

Правда, въ этомъ одномъ дѣйствіи Петръ Великій ясенъ какъ солнце, въ которомъ только сквозь закопченное стекло можно замѣтить тусклости, не мѣшающія ему освѣщать и плодотворить землю.

Не держась иронической пословицы: *говорить правду — терять дружбу*, я принужденъ сказать, что и нѣкто-

рымъ изъ добрыхъ пріятелей нашихъ, Петръ Великій кажется безъ вины виноватымъ въ томъ, чѣмъ оскорбляется ихъ народная гордость, т. е. пристрастіе нашего больше-свѣтства ко всему чужеземному; по грѣшно думать, чтобъ мудрѣйшій Самодержецъ могъ до того ослѣпиться блескомъ чужаго ума, что захотѣлъ ему поработить свой Русской толкъ, и вздумалъ превратить своихъ смышленныхъ людей въ обезьянъ, перенимающихъ безсмысленно все, что видятъ. Такая нелѣпая переимчивость можетъ только войти въ легкомысленныя головы, издавна кружимыя своекорыстными софистами. Вѣтренность и легковѣріе не бывали никогда свойствами Русскаго народа, котораго тѣлесная врачность, душевныя доблести, даже рьяность сердца и удобораздражительность чувствъ изображались яркими красками въ его Великомъ Царѣ и переобразователѣ. Такъ, нашъ Петръ былъ Русской видомъ и духомъ; Ему стало *любо* чужое благообразіе, *смысливость* Его *обхватила разомъ всѣ* выгоды просвѣщенія. Онъ захотѣлъ всемъ сердцемъ принаровить его къ *досужеству* своихъ подданныхъ. Взялся путемъ за дѣло, и по слову Божію, *не разрушивъ закона, исполнилъ его, и влилъ новое вино въ мѣхи, уже возобновленные* Его мудрыми предшественниками.

Вникнувъ во всѣ учрежденія нашего безсмертнаго законодателя, не трудно убѣдиться, что Онъ, пользуясь всѣми успѣхами народовъ, обогнавшихъ Россію на заслоненномъ ей Татарами пути къ просвѣщенію, умѣлъ обогатить чужимъ добромъ свою оскудѣлую землю; и сливъ выгоды Европейскаго образованія съ добротою Русскаго самобыта, заранѣе обличилъ лжемудрствованія теориковъ, которые введеніемъ новаго необходимымъ истребленіе стараго, и не

хотятъ видѣть, сколько разныхъ новообразованій терзали прекрасную Францію, и губили ея добродушный народъ истребленіемъ древней вѣры и законности; и какъ новообразование Петра Великаго непрестанно усиливаетъ и облагораживаетъ Россію: именно оттого, что оно основано на старобытности, и не перемчивостью, а нуждою.

Хотя задолго до прошлаго столѣтія Реформа Западной Церкви породила политическій переворотъ, сперва благотворившій, потомъ свирѣпствовавшій, и доньшъ еще не вовсе утихшій; но во время Петра Великаго — частныя измѣненія Церкви и Правительствъ не произвели еще химерическаго умозступленія, возмечтавшаго затмѣнить Ватиканское всевластіе своею вѣроистребительною теоріей.

Тогда еще никто не добивался какого-то безотчетнаго Европейства, и каждая Европейская страна, начиная съ Римскаго Папства и Германской Имперіи до Оливскаго Игуменства и Сентъ-Маринской республики, довольствовалась свойственнымъ ей правительствомъ, повиновалась своимъ кореннымъ законамъ, и держалась своихъ народныхъ обычаевъ. У которой же изъ нихъ нашъ переобразователь перенялъ государственное устройство, и чьимъ уставамъ подчинилъ свою Россію? — Вотъ о чемъ я спрашивалъ искусныхъ правовѣдцевъ, и вотъ какое заключеніе извлекъ изъ ихъ сужденій, противорѣчій и доводовъ. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, написавъ: *попече въ одномъ челоувѣкъ не безъ пристрастія есть, того для и учреждаемъ Коллегіумъ*, — выразилъ очень ясно мысль свою о монархіи, въ которой все обсуждается многими умами, а тво-

М
защита
тѣлово

рится одной законодательной властью, и повинуетя одной самодержавной воле. Онъ не имѣлъ нужды заимствовать отъ иностранцевъ понятіе о совѣщательныхъ управахъ, которое при первомъ взглядѣ на свое отечество Ему очень ясно представлялось. Иноземныя судилища не были точными образцами его Коллегій, поименованныхъ по предметамъ ихъ завѣдыванія: Военною, Иностранною, Межевою и прочими, также какъ прежніе Московскіе Приказы назывались по той же причинѣ и въ томъ же смыслѣ Броннымъ, Посольскимъ, Земскимъ и проч.: они подчинялись точно также Боярской Думѣ, какъ Коллегіи Правительствующему Сенату, въ которомъ сосредоточивались всѣ Государственныя дѣла, и точно также Царь былъ главою Думы, какъ Императоръ Президентомъ Сената. Правда, Онъ бесѣдовалъ съ Лейбницемъ, одобрявшимъ коллегіальныя или совѣщательныя учрежденія; но должно ль по этому заключать, что Нѣмецкій философъ породилъ въ немъ мысль, бывшую искони кормиломъ его отечества? У насъ, кромѣ Новгородскаго неугомоннаго Вѣча, существовали въ Киевѣ, Владимірѣ, Москвѣ и другихъ Княжествахъ Государственныя и Земскія Думы: наши Самодержавцы придавали Боярамъ, посылаемымъ на большія воеводства вторыхъ Воеводъ или товарищей и дьяковъ, съ которыми они совокупно клали приговоры и отвѣчали передъ Государемъ, а обнародованіе или сношеніе съ неприятельскими войсками дѣлалось не отъ лица Градодержавцевъ, а отъ всѣхъ городскихъ сословій. И нынче еще по старинному повѣрью, въ казенныхъ волостяхъ и нашихъ отчинахъ все постановляется и обсуживается на сельскихъ сходкахъ міромъ, и безпрекословно утверждается

или отвергается властью, отъ Бога или Царя поставленною (*).

Зачѣмъ же Петру Великому было занимать у другихъ то, что онъ находилъ у себя, и передѣлывать Россію на чужой ладъ, когда могъ приладить къ давней ея сущности чужія благоучрежденія? И потому во всѣхъ его преобразованіяхъ, начавъ съ духовнаго управленія нашей Церкви до простонародныхъ потѣхъ, вы увидите, что нашъ Царственный Устроитель созидалъ Имперію свою на древней основѣ и не по чужестрастію, а по русскому духу и толку. Убѣдитесь, что Онъ предпочиталъ трудное обработываніе и улучшеніе самороднаго въ своей землѣ — той безпечной пересадкѣ изъ чужой, которая, какъ доказали частые и быстрые перевороты нашихъ чужеземныхъ современниковъ, ничего кромѣ пустоцвѣта не производитъ. Благоговѣя предъ Догматами и покоряясь духовному назиданію нашей Церкви, но подчиня земную ея управу Императорской власти, Онъ углубилъ ее болѣе прежняго

(*) Достоинно замѣчанія, что во всѣхъ Славянскихъ племенахъ, уцѣлевшихъ отъ нравственнаго или политическаго властвованія западной Европы донинѣ существуютъ такія-же, только въ различныхъ образованіяхъ, мірскія сходбища или совѣщанія; тоже безпрекословное послушаніе положенному на нихъ, тоже феодальное рабство, а народное уваженіе къ родовымъ людямъ, и таже дѣтская покорность къ священной власти, дарованной небеснымъ промысломъ. Это коренное понятіе о совѣщательности, о наследственномъ вознагражденіи за доблести и заслуги, и отеческомъ самодержавствѣ стверженныхъ и восточныхъ Славянъ, наиболее сохранившихъ ихъ древнія свойства, отличаетъ нашъ народный духъ и быть отъ всѣхъ новыхъ Европейцевъ, еще ищущихъ свойственнаго имъ правительства.

въ общій Государственный составъ; и въ этомъ не былъ подражателемъ, но образцомъ достойнымъ подражанія. Найдя зеркаломъ правосудія судебникъ и уложеніе отца Своего, Онъ не отбросилъ ихъ и не схватилъ чужіе уставы, но пополнилъ новыми узаконеніями, и установилъ для наблюденія за оными своихъ Прокуроровъ, которые однимъ названіемъ напоминаютъ иностранныхъ; установилъ рекрутскій наборъ своенароднаго войска, самый удобный для Россіи, и вовсе не похожій на бывшія при немъ рекрутства другихъ земель; раздѣлилъ Имперію, вмѣсто слишкомъ обширныхъ и не довольно ограниченныхъ Намѣстничествъ, на губерніи и провинціи, замѣнилъ Намѣстниковъ Губернаторами, сохранилъ прежнихъ Воеводъ, но прибавя къ нимъ товарищей, учредилъ воеводскія судилища подъ именемъ канцелярій; и всѣ эти иностранныя названія также не доказываютъ иностраннаго дѣланія, какъ и генеральный регламентъ Его, сообразованный съ кореннымъ русскимъ бытомъ и приказнымъ порядкомъ, въ которомъ старался избѣгать многописанія, нелюбимаго имъ и въ чужихъ земляхъ. По симъ немногимъ доводамъ кажется несомнѣннымъ, что Петръ Великій понималъ задолго до Монтескю превосходство и прочность законовъ, превратившихся въ обычаи, и сдѣлавшихся народными поговорками, какъ на примѣръ у насъ: *при братъ сестра не наслѣдница; никто ни ногой за чужую межу; никто въ чужомъ дому не хозяинъ*, и т. подобныя изрѣченія старыхъ судебниковъ. Онъ не только безъ необходимости не перемѣнялъ прежде установленнаго, но вопреки повторяемыхъ учениками XVIII вѣка стиховъ Волтера:

L'usage est fait pour le mepris d'un sage,

Онъ доказывалъ что:

L'usage est fait pour l'estime d'un sage, заботясь даже о сохраненіи народныхъ обычаевъ и русскаго молодчества, что явно въ Его указъ о кулачномъ боѣ, котораго слова: *лежащаго не бьютъ*, вошли въ пословицу, и были въ силѣ закона приведены Гетманомъ Разумовскимъ къ дѣлу впаднаго въ безвременье вельможи. Излагая давнишнія благоустроенія нашего Государства, я не намѣренъ унижать творческаго духа Петра Великаго, а хочу только показать, что нашъ благотворитель властвовалъ, не надъ станицей дикарей, а въ обширной странѣ, просвѣщенной христіанскою вѣрою и озаконенной мудрыми Государями, и уже послѣ пагубныхъ раздробленій, угнетеній и бѣдствій, разрушившихъ древнее образованіе Его отечества, и во время крамоль, готовыхъ ниспровергнуть все, начатое Его дѣдомъ, отцемъ и братомъ; и что только Онъ одинъ могъ уничтожить силою своего генія настоящее зло, укоренить бывшее добро, и упрочить будущее могущество земли, дарованной Ему Божиимъ благоизволеніемъ. Петръ Великій, не бывъ ничемъ обязанъ фортунѣ, не вѣрялся ей, а руководствовался своею мудростью и изученными Имъ опытами всѣхъ странъ и вѣковъ.

Изъ прочитаннаго и видѣннаго мною я уже давно заключилъ, что властители народныхъ судебъ вездѣ и всегда основывали великія дѣйствія свои или на умъ, или на глупости людской. Одни, почти всегда Порфирородцы, уважали во всякомъ челоуѣкъ общность ума, и, соображая по немъ свои предпріятія, не пренебрегали ни совѣтами, ни

предосторожностями; вѣрили не только своимъ дарованіямъ и счастію, но и разсудку своихъ противниковъ; не предаваясь самонадѣянности, они не впадали въ отчаяніе; и если ихъ успѣхи не всегда удивляли и ужасали современниковъ, за то неудачи не губили ихъ въ-конецъ и не лишали благоговѣнія потомства. Такъ дѣйствовалъ Петръ Великій, сказавши послѣ несчастнаго Нарвскаго сраженія: *Шведы насъ будутъ бить, пока не научатъ побѣждать*, — и они научили.

Другіе же властители, по большей части, выкидывая народнаго бушеванія, изумленные внезапностію своего величія, или надменные своими врожденными дарованіями и роскошными подарками случая, осмѣливались, по ошибкамъ своихъ противоборцевъ и ничтожности своихъ потворщиковъ, презирать все человѣчество; основывали дѣйствія свои не на общемъ умѣ его, а на испытанномъ ими частномъ недоумѣніи людей; измѣряли бывшими удачами будущіе успѣхи, жадно ввѣрялись баловницѣ своей фортуны, и дѣлали чудеса, пока властолюбіемъ не вынуждали всеобщаго душеополченія, и тогда, чѣмъ они быстрѣй возносились, тѣмъ шибче падали и разбивались въдребезги. Вотъ какъ дѣйствовалъ уже въ Императорствѣ Наполеонъ Бонапарте, говорившій: *aut Cesar, aut nihil*, и бывшій тѣмъ и другимъ. Но онъ послѣ неимоверныхъ военныхъ подвиговъ, въ минуту, довершающую его славу, палъ и исчезъ изъ едва не поращенной имъ Европы. Сооруженная имъ Имперія разрушилась, и начатый имъ царственный родъ кончился. Революція и война вручили ему жезлъ всевластія, онъ украсилъ его безсчетными лаврами, озолотилъ роскошными завоеваніями, и обезсмертилъ возстановленіемъ

Церкви и судебнымъ законодательствомъ; а принужденный, можетъ быть, слѣдовать разсчетамъ Римскаго Сената, онъ безконечной войной предохранялъ отъ вснѣха притупленную революцію, и Карлъ-М. показалъ, какъ одной искрой можно было взорвать громаду новаго Самодержавія. Наполеонъ оправдалъ нѣкогда сказанное имъ Царю Русскому: *«Вы Императоръ и на этомъ стулѣ, а я Императоръ предъ моимъ войскомъ.»* Войско его положило оружіе, —и Императора не стало.—Но Петръ Великій, рожденный на царскомъ ложѣ, былъ уже Царемъ почти въ младенчествѣ, и не переставалъ быть Царемъ среди мятежей, крамолъ, неистовствъ, обогрившихъ его кровію дядей и родственниковъ; Онъ явилъ собою высокій образецъ усерднаго сына и попечительнаго отца отечества, каковымъ по сущности наследственнаго владычества быть долженъ Царь, не обязанный ни другимъ, ни самому себѣ величіемъ, дарованнымъ ему всеправящей волею.

Первое понятіе объ ожидающемъ его уже внушаетъ ему мысль предопредѣленнаго ему властвованія, онъ съ дѣтства привыкаетъ считать Государство отца своимъ, и привязывается къ нему естественнымъ чувствомъ своелюбія; онъ уже любить его, а всякая любовь жаждетъ взаимности, всякая собственность близка къ сердцу, въ которомъ убѣжденіе разсудка сливается счастіемъ и славу народа съ счастіемъ и славой его обладателя. Ему нѣтъ нужды охитрять и изощрять свои способности къ добытію и сохраненію власти: она уже неотъемлемо дарована ему самимъ рожденіемъ. Весь умъ, вся душа его устремлены только къ благоупотребленію наследственного всемогущества. Онъ все имѣетъ безъ происковъ, всѣмъ распоря-

жасть, потому что такъ угодно Богу, и не предъ кѣмъ не отвѣчать, кромѣ Того Кто возложилъ на него бремя народоправленія: конечно этотъ отвѣтъ великъ и страшенъ, но подкрѣпляемый ученіемъ святой вѣры и отечественными законами, облегчаемый совѣтами опытности и охраняемый взаимными пользами Государя и Государства, онъ смѣло можетъ дать его; — а что нашъ Самодержецъ далъ отвѣтъ, благоугодный Властителю міровъ: то свидѣтельствуя могутъ, слава и величіе сотворенной имъ Имперіи. Но всѣ обыкновенныя удобства и преимущества наслѣдственнаго самодержавія даромъ не достались Петру Великому; Онъ долженъ былъ овладѣть ими исполинскою силою духа, ума и воли.

Юный Царь, при самомъ восходѣ на шаткій престолъ, былъ встрѣченъ дворцовыми крамолами и Государственной бурей; буйство черни и невѣжества истребляло всѣ обороны отъ враговъ, готовыхъ вринуться въ Россію; Ему представилось издавна просвѣщенное и сплоченное великимъ Правителемъ Государство, возстающее изъ воспалительнаго недуга и нищающее руки, за которую-бы могло ухватиться; не вовсе еще исцѣленный отъ тяжкихъ язвъ народъ, истребляющій врачей своихъ, яростно рыкалъ противъ единственной надежды своего спасенія; — и тогда-то истинно Великій Государь и человѣкъ не притушилъ только пламя общественнаго зла; но втопталъ его въ землю, вырвалъ съ корнемъ запаленную дебрь, возсоздалъ истребленное, укрѣпилъ изнеможенное, и даровалъ новую, долгую и спокойную жизнь истерзанному Государству Своему. Такъ, я смѣло говорю, что Петръ, во всемъ Великій, это сдѣлалъ, — и ссылаюсь на Русскіе берега Терека,

Аракса, Дуная и Буга въ томъ, что Господь ущедрилъ благія начинанія порфиророднаго труженика, работавшаго, какъ послѣдній изъ его подданныхъ, и творящаго, какъ первый изъ вѣнценосцевъ, не отъ славолубія, не по тщеславію, но изъ любви къ отечеству и по нуждамъ своего народа. —

Петръ Великій безъ сомнѣнія не обучился Французской пословицѣ: *La charité bien ordonnée commence par soi*, и не придерживался Русской: *было-бы при мнѣ хорошо, а послѣ меня хоть трава не расти*. Дѣло Его было собственно его, но не для него собственно, а для Россіи, которой всемѣстныя надобности едва ли оставляли Ему время думать о Себѣ. Онъ видѣлъ необходимость нововведенія, и зналъ неохоту своихъ поданныхъ до иностранцевъ, отъ которыхъ, по поступкамъ ихъ во время междуцарствія и самозванцевъ, они не ждали себѣ добра, — и, проникнувъ въ таинство воплощенія силу примѣра, преобразился изъ Самодержца въ плотника и барабанщика, чтобъ собственнымъ прехожденіемъ морскихъ и воинскихъ постепенностей испытать на Себѣ все ихъ нужды и приохотить своихъ подданныхъ къ тому, чего Онъ желалъ для ихъ же пользы.

Мнѣ же рассказывали, что Екатерина II-я спросила однажды у Суворова: въ чемъ состоитъ искусство побѣждать? — Въ бездѣлицѣ, — отвѣчалъ Ей, никѣмъ не побѣжденный побѣдитель, — стѣнитъ только подраться, гдѣ хочешь, когда хочешь и какъ хочешь, то непріятель вѣрно разбить. «Это почти также», сказала, улыбаясь, Императрица, — «какъ и въ нашемъ Царскомъ дѣлѣ, надобно только раззохо-

тить людей дѣлать то, что желаешь, такъ ужъ вѣрно будетъ сдѣлано» — и Она это часто на опытѣ доказывала.

Примѣръ Петра Великаго возбудилъ соревнованіе, упрочилъ обученіе и устройство войска и созданіе флота, поставившихъ Россію на той высотѣ, до которой однакожь она не могла-бы достигнуть безъ предварительнаго пріобрѣтенія приморскихъ владѣній: вотъ почему предвидѣць нашей судьбы пробивался оружіемъ на Востокъ и Западъ до вожделеннаго имъ моря. Неудача придавала орлиныя крылья его желанію и генію; наконецъ возвращеніе нашему отечеству древняго достоянія его и овладѣніе Балтійскимъ берегомъ увѣнчало ничѣмъ неодолимую настойчивость искуснаго воина и мудраго Государя. Крѣпости, пристани, города и прекраснѣйшая нынче изъ всѣхъ столицъ проявились на земляхъ, отнятыхъ оружіемъ у Карла XII-го, наименованнаго Сѣвернымъ Александромъ и уничтоженнаго Петромъ Великимъ. Завоеванное родовымъ Государемъ для сущей надобности его родины, не отшиблось отъ нея смертью завоевателя; нѣтъ, оно усердіемъ новыхъ Русскихъ слилось съ старой Россіей въ тотъ краеугольный камень, о который преткнулась слава и распалось могущество послѣдователя Карла XII-го. Не мудро, что Наполеонъ ошибся въ своихъ расчетахъ по разнородству Русскихъ пограничностей: онъ, какъ говорится, мѣрилъ Петра Великаго на свой аршинъ, видѣлъ въ завоеваніяхъ Его свои завоеванія, такъ ему и не пришло на мысль, что творецъ нашей Имперіи скрѣплялъ ее пользою всего и всѣхъ, которая была цѣлью его дѣлъ и жизни; а воинская слава была только слѣдствіемъ Царской

любви къ своему отечеству и великодушнаго старанія окоренить его благосостояніе и могущество.

Петръ Великій, почувствовалъ отцевскимъ сѣрдоболіемъ все добро, которое могъ сдѣлать своему свѣжему народу и обширному Государству, искалъ въ чужихъ странахъ не прославленія своего имени, но улучшенія и обогащенія своего наслѣдія, научился всей премудрости Государственного хозяйства, пользовался всѣмъ, заимствовалъ у всѣхъ; но дѣйствовалъ у Себя по своему. Вотъ отчего насажденное Имъ возрастало быстро, зрѣло скоро, и несмотря на скороспѣлость, такъ оmaterьло, что устояло противъ всѣхъ разностороннихъ вихрей, и иззубрило серпы самыхъ досужихъ жнецовъ самаго истребительнаго вѣка.

Во всѣмъ земскомъ устройствѣ нашего Государственного хозяина видно тогдашнее чужестранное знаніе и Русская сноровка: учреждая фабрики иждивеніемъ казны, Онъ тотчасъ ихъ сдавалъ въ частныя и предпочтительно Русскія руки, придавая къ нимъ цѣлыя волости для ихъ поддержанія и пріохочиванія Своихъ подданныхъ къ обширной промышленности; а заключая очень барышныя для нихъ условія даже и на сто лѣтъ, доказывалъ, что Онъ думаетъ не о Себѣ и не о настоящихъ, а о будущихъ Государственныхъ выгодахъ. Очъ не терпѣлъ ни въ чемъ не только частной, но даже и казенной монополіи, заводилъ многія искусственныя и ремесленныя дѣланія, для поученія и поощренія, а не для отнятія у частныхъ людей средствъ пользоваться ихъ досужествомъ и трудолюбіемъ; Онъ посылалъ молодыхъ бояричей въ чужіе края на выучку военному, морскому или другому полезному дѣлу, и приготавлиалъ ихъ для Государства, а не для столичныхъ го-

стинныхъ, испытывалъ ихъ знанія, и употреблялъ пред-
почтительно родовыхъ людей; однако, замѣтя отличныя да-
рованія въ безродныхъ, выводилъ ихъ въ люди, и брач-
ными союзами старался соединять съ высшимъ сословіемъ,
необходимымъ для Монархii; бѣдствовалъ за-просто съ
своимъ купечествомъ, съ иностранными гостями и со вся-
кими дѣлателями всего, что Ему было нужно знать. А че-
го не нужно было знать образователю новой Имперіи и
творцу народнаго довольствія? Въ тоже время, когда Петръ
Великій просвѣщалъ Свое Государство, Онъ Самъ въ немъ
просвѣщался каждымъ смышленнымъ умомъ, въ комъ-бы и
гдѣ-бы его не встрѣчалъ. Самые отдыхи отъ неосбытныхъ
трудовъ вседѣлателя и часы жизненныхъ усладъ челоука
не пропадали для Государя: на пированьяхъ съ Своими
вельможами или на вечеринкахъ, въ заведенномъ зятѣмъ
Его, Принцемъ Голштинскимъ, клубѣ — разговоры весе-
лыхъ собесѣдниковъ открывали Ему иногда то, чего-бы
Онъ не дознался отъ Своихъ должностныхъ докладчиковъ,
по большей части не забывающихъ пословицъ: *слово не*
воробей, вылетитъ не поймашь; рука руку моетъ, а иног-
да и *правда глазъ колетъ*. Хотя Петръ Великій не-
отворачивалъ отъ нея ни глазъ, ни ушей; но мысль —
«въ каковъ часъ скажется и какъ инымъ покажется» —
обыкновенно выгоняется изъ головъ гораздо скорѣе за-
бывчивостью веселья, чѣмъ напоминаніемъ обязанности.
Императоръ чествовалъ въ Дворцахъ Своихъ хозяевъ и
шкиперовъ купеческихъ кораблей, пріѣзжавшихъ въ но-
вый Петербургъ; привлекалъ ласками, выгодами и награ-
дами дѣльных иностранцевъ, и обращалъ ихъ знанія,
способности и самые капиталы на благо нашей родины.

Но отчего онъ обезобразивалъ нашъ прекрасный языкъ иностранными словами, называлъ Русскіе города, чины и присутственныя мѣста иностранными именами, и употреблялъ иногда такія Европейскія выраженія, коихъ настоящаго отечества не можно отыскать? — Вотъ вопросы, которые я часто слыхалъ, и, признаюсь, самъ дѣлывалъ, но не удовлетворялся отвѣтами. Мнѣ казалось неестественнымъ, чтобы могли закрасться во всеобъемлющій и творческій умъ великаго человѣка причуды, давно уже несуществующія въ нашихъ чужемодникахъ, и, убеждаясь болѣе и болѣе, что Петръ Великій ничего на обумъ не дѣлалъ, я наконецъ, кажется, открылъ причину этой несообразности языка съ дѣлами.

Покойный Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ-Смоленскій при мнѣ сказалъ въ разговоръ о народныхъ свойствахъ военныхъ людей: «Французамъ отпуская смѣло громкія фразы, разицекочи ихъ уши высокопарными словами, и «веди, на что хочешь; Нѣмцамъ говори дѣльно, много и «долго, и они по командѣ дружно двинутся за тобою; а «Русскаго стоитъ разсѣштить, такъ онъ радъ въ огонь и «въ воду.» Петръ Великій зналъ врожденное зубоскальство своихъ весельчаковъ, готовыхъ тѣшиться надъ непонятными для нихъ словами или необычнымъ произношеніемъ, и не пропускающихъ случая перевернуть въ шуты каждаго Нѣмца, т. е. всякаго Европейца, худо выговаривающаго по-Русски; а ему были нужны иностранные уставники для всѣхъ нововведеній. И такъ, чтобы не предать наставниковъ поруганію учениковъ ихъ и внушить къ нимъ необходимое для успѣховъ въ общемъ дѣлѣ уваженіе, — Самъ, главный Русскій учитель, сталъ употреблять,

какъ можно больше, иностранныхъ словъ въ разговорахъ, письмахъ и Государственныхъ учрежденіяхъ, и давать все-му новому чужезвучныя названія: Ему тогда еще было до мыслей, а не до слога. Торопясь знакомить Своихъ подданныхъ съ иноземными знаніями, Онъ пекся только о толковомъ переводѣ учебныхъ книгъ, и, не принуждая своихъ чиновниковъ къ знанію Европейскихъ языковъ, старался доставить имъ на своемъ всѣ нужныя свѣденія, а служащихъ въ Россіи иностранцевъ, которые въ три года не обучатся по Русски, приказалъ отставлять отъ ихъ должностей. Положимъ даже, что Петръ Великій имѣлъ какое-то непостижимое пристрастіе къ чужесловію, однако это неоспоримо, что Онъ не вводилъ въ общее употребленіе и не показывалъ предпочтенія ни къ которому изъ Европейскихъ языковъ. Минъ-эръ, Мейнъ-геръ стояли на ряду съ Мосѣ; какъ въ словахъ, такъ и въ службѣ Его ни тѣ, ни другіе, не сдѣлавшись Русскими подданными, не были ни Сенаторами, ни Государственными Министрами; и если по необходимости Онъ принужденъ былъ давать иностранцамъ важныя воинскія начальства, то видимо старался готовить на ихъ мѣста и замѣнять ихъ природными Русскими. Въ несчастномъ Нарвскомъ сраженіи 10 регулярными полками командовали 9 иностранцевъ и 1 Русской; а при взятіи Нарвы было уже въ нихъ 2 иностранныхъ и 8 Русскихъ Полковниковъ; послѣ разбитія Герцога-де-Круа, Императоръ положилъ не вѣрять Своей арміи пришельцамъ, и не вѣрялъ. Въ числѣ знаменитыхъ сотрудниковъ Его, мы находимъ только Швейцарца Ле-Форта и Британца Гордона, бывшихъ при Немъ съ Его отрочества. Нѣсколько иностранныхъ именъ Русскихъ уро-

женцевъ, находящихся въ послужныхъ спискахъ даже Царя Алексѣя Михайловича, доказываютъ, что обычай перемѣнять прозванія благородныхъ пришельцовъ на службу нашихъ Государей отмѣненъ до Петра Великаго, и что мы не должны считать чужими дѣтей нашей родины по ихъ не Русскимъ именамъ. Развѣ послѣ присоединенія Ижорской земли и чудескаго поморія къ нашей Имперіи, потомки знаменитыхъ Меченосцевъ, сохраняя прозвища, прославленные ихъ предками, не сдѣлались Русскими дворянами и нашими истыми братьями? У нихъ нѣтъ другого отечества, кромѣ нашего, и иноземцы, отчуждая ихъ отъ насъ, хотѣть лишить ихъ того народнаго достоинства, которое они своею вѣрностью и кровью упрочили за собой, вмѣстѣ со всеми благородными сынами старой Россіи. Такъ, они Русскіе, и должны гордиться симъ именемъ, участвуя въ возвышеніи Россіи, на полъ чести и на гражданскомъ поприщѣ (*). Въ 1812 г. вся Европа была дѣятельной свидѣтельницею приверженности Рижскихъ жителей и всего Остѣ-зейскаго края къ общему нашему отечеству. Входя въ Митаву, тотчасъ по изгнаніи непріятеля, я видѣлъ съ душевнымъ умиленіемъ слезы радости на глазахъ Курляндцевъ, а въ ушахъ ихъ пригожихъ дочерей и женъ подвѣски, изображающія Русскаго двуглаваго орла и узналъ что, не смотря даже на одинъ языкъ и одно вѣроисповѣданіе, никто изъ тогдашнихъ противниковъ нашихъ не могъ

(*) Войско наше никогда не захочетъ признать иноземцами: Вейсмана, Миллеровъ, Ферзена, Дерфельдена и многихъ еще живущихъ чужеземныхъ Генераловъ его, а словесность уступить ли иностранцамъ своихъ Фонтъ-Визина и Хемницера?

похвалиться ихъ привѣтомъ. Что же могло скрѣпить этотъ душевный союзъ между новыми и старыми Русскими, кромѣ справедливости, доброты и общенормности уставовъ, данныхъ или внушенныхъ мудрымъ благотворителемъ и будущимъ подданнымъ сотворенной имъ Имперіи?

Всеобъемлющее предвѣденіе Петра Великаго кажется мнѣ столько же непостижимымъ, какъ и чудесныя дѣла его. Чего онъ не предвидѣлъ? Чего не узаконилъ? Чего не предварилъ? — Видя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ омерзѣніе Волги, я спрашивалъ о причинѣ онаго у тамошнихъ старожиловъ. «Оттого» отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, «что пришелъ въ «забыль наказъ перваго Императора: не смѣть рубить «лѣса на триста сажень отъ бичевой; Онъ—отецъ нашъ «зналъ, что запалый между деревъ снѣгъ таялъ исподоволь: оттого-то прибывъ воды бывала у насъ почитай до «Петровъ, и лѣсные корни скрепляли берегъ; а вотъ «какъ старинка-то попризабылась, не стало прежней «грозы и присмотра, такъ мы, благо намъ дали волю, «пусть и въ своемъ добрь, сгмуна пріударили въ топоры, «и ну валить лѣсъ, какъ ни попало. Такъ теперь что ни «вѣшняя водополь, то рѣка все мелеетъ, да мелеетъ отъ «снова свалившейся въ нее земли, песку и всякаго хлама, «и пришло подыматься на нѣмецкія хитрости: гатить волну «плотинами, чтобы сжать воду для притора барокъ; а кабы «держались указа батушки нашего Петра Алексѣевича, «то бы и хлопотать не очемъ было: такъ-ли?» И я долженъ былъ, привздохнувъ, отвѣчать: «такъ.»

Мнѣ рассказывалъ П. Х. Оболяниновъ, что Императоръ Павелъ Петровичъ приказалъ Графу Кушелеву составить въ Адмиралтействѣ проектъ Маріинскаго канала, и онъ

на другой день былъ Ему представленъ съ планомъ и смѣтой, утвержденными подписью Петра Великаго. Удивленный Императоръ вскричалъ: «этотъ Прадѣдушка не дастъ намъ ничего полезнаго выдумать.»

Я слышалъ отъ А. П. Ермолова, что онъ, начальствуя Кавказской Областью, по долгомъ развѣдываніи и соображеніи, избралъ самое удобное мѣсто къ построению необходимой для того края крѣпости; но приступая къ дѣлу, открылъ тамъ основу ея, заложенную Петромъ Первымъ.

Мои родственники, пріѣхавъ въ Липецкъ, вскоре по новооткрытіи его цѣлительныхъ водъ, нашли тамъ наставленіе: какимъ образомъ ими пользоваться, написанное рукою Петра Великаго. О! какъ справедливо и красно сказалъ о чудесномъ образователѣ Россіи, второй ея просвѣтитель:

«Я въ полѣ межъ огнемъ, я въ судныхъ засѣданіяхъ
«межъ трудными разсужденіями, я въ разныхъ художе-
«ствахъ между многоразличными махинами; я при строеніи
«городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ на-
«рода множествомъ, я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго,
«Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Оксана
«духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу, въ
«потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ
«себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе, и не
«краткая жизнь, но лѣтъ тысяча.»

Петръ Великій лучше всѣхъ доказалъ, что жизнь истинно великихъ людей не ограничивается тѣлеснымъ ихъ существованіемъ: Онъ уже болѣе ста лѣтъ умеръ тѣломъ, но духъ Его еще созидаетъ, творитъ и совершаетъ Имъ

начатое. — Многіе даже изъ хлопочущихъ объ Европействѣ, замѣнявшихъ либерализмъ, филантропію и прочія слова, которые всякой можетъ толковать по-своему, обвиняютъ Петра, что Онъ, насильственно вводя просвѣщеніе, помѣшалъ его естественному ходу, истребилъ нашу народность, и сдѣлалъ, по ихъ мнѣнію, какое-то безобразное смѣшеніе Европейства съ Азіатствомъ. Чтобы уничтожить эти напраслины на нашего безконечнаго благодѣтеля, я изъ дѣтской любви къ Нему, къ нашему отечеству и святой истинѣ, уже давно желалъ написать историческій обзоръ нашего новаго просвѣщенія, и если Богъ приведетъ мнѣ его кончить, доставлю немедленно вамъ; а теперь только спрашу: правда-ли, что Петръ Великій создалъ, изъ разстерзаннаго вѣшными и внутренними врагами и едва устоявшаго Государства, Европейскую Имперію, прочность которой доказываетъ 150 лѣтнее, не только существованіе, но усиленіе, распространеніе и величественное могущество; что онъ началъ сей превосходящій силы человѣческія трудъ посреди крамоль и мятежей, возжигаемыхъ изуверами, и бушеванія невѣжества, заклятаго врага всякаго нововведенія; что Онъ его не могъ ни начать, ни совершить его безъ ускоренія просвѣщенія, которое всегда было, будетъ и не можетъ не быть основою благоустроеннаго и самостоятельнаго Государства? — Петръ Великій заложилъ и уже вывелъ высоко свое чудесное зданіе на истинномъ просвѣщеніи, необходимомъ для Государственного дѣла и народнаго благоденствія; и можно ли винить величайшаго въ мірѣ зодчаго, если бы, на прочной основѣ и искусно веденомъ, но неоконченномъ имъ зданіи, вздумали недоученные архитекторы, вмѣсто

золотыхъ стѣнъ и твердыхъ сводовъ, надстроить ряды разбужоренныхъ столбцовъ, ставить золотые балкончики, разностекольные фонари, развѣшивать шитыя разными шелками маркизы, и украшать куколками *à la toscane*? Но къ счастью въ Россіи не такъ было, что весь свѣтъ знаетъ: строеніе не истребилось. Воздвигшая Мудрѣйшему пѣзъ народоправителей прекрасный памятникъ оправдала надпись его: «Петру I-му Екатерина II-я.» Она, сохраняя во всевозможной цѣлости имъ сотворенное, многое или примѣнила къ всеизмѣняющему времени, или совершила въ постигнутомъ Ею смыслѣ начальнаго строителя. Ея учрежденія Губерній такъ вѣрно врезаны въ золотыя скрижали законодательства Петра Великаго, что кажутся вылитыми съ ними однимъ разомъ; великія государственныя дѣла, высокая степень, гдѣ Она поставила Россію между Европейскихъ Державъ, славныя победы, превращеніе въ Русскую Губернію еще не давно ужаснаго намъ Крыма, который Она называла своимъ приданнымъ Россіи, наконецъ самыя Ея сочиненія, указы, наизданія, учебныя заведенія, возобновленіе при Ея Дворѣ русскаго платья (*) и старинныхъ повѣрій, чтобы обра-

(*) Я слышалъ отъ старыхъ придворныхъ, что Екатерина II желала при Дворѣ Своемъ ввести также и мужское, какъ женское, Русское платье. Князь Орловъ, душою русскій человекъ, обрадовался этому желанію Императрицы, и приказалъ тотчасъ сдѣлать себѣ, по портретамъ царскихъ Бояръ, глазетовый кафтанъ или ферези, съ жемчужными петлицами, бархатную шубу на черныхъ соболяхъ, съ бриліантовыми застѣжками, поясъ, изукрашенный дорогими камнями, сафьянные сапоги, вышитые жемчугомъ и съ золотыми скобками, и въ этой боярской одеждѣ, да съ завитою, распудренною, напомаженною прической, явился къ Императрицѣ. Ей очень нравилась

тить наше высшее общество отъ лоска пустодѣльнаго просвѣщенія на проложенный Петромъ Великимъ путь къ общенормѣннымъ знаніямъ словомъ; во всемъ явная любовь Ея къ русскому своебыту и славу неоставляетъ ли Екатерину второю по Петру владычицею Его Имперіи?

Я слыхалъ еще въ дѣтствѣ моемъ отъ тогдашнихъ стариковъ, что первый Императоръ говорилъ: *«сила наша на Сѣверѣ, просвѣщеніе на Западѣ и богатство на Востоцкѣ.»* Н. С. Свиньинъ увѣрялъ меня, что онъ досталъ своеручное письмо Петра Великаго изъ Персидскаго похода къ Адмиралу Графу Апраксину, въ которомъ Государь, возвѣщая о возвращеніи своемъ въ Москву, пишетъ, *«что Россія, просвѣщаясь на Западѣ, должна будетъ возвратиться на Востокъ.»* Я не видалъ этого письма и не отвѣчаю за справедливость разсказа; но съ восхищеніемъ вижу исполненіе того и другаго. Сила русскаго Сѣвера ужасаетъ враговъ нашихъ миллиономъ двумя стами тысячъ самыхъ обученныхъ воиновъ и двумя огромными

величественное боярское платье, но она не могла безъ отвращенія видѣть закурчавленную французскую голову на богатырскихъ русскихъ плечахъ, роскошно покрытыхъ сибирскимъ мѣхомъ. Она это сообщила Князю; но онъ рѣшительно отвѣчалъ: «Воля Ваша, Всемилостивѣйшая Государыня, а я ни за что въ свѣтъ не дерзну предѣставиться Вашему Величеству неряхой, съ мытой головой и волосами, подстриженными по мужицки; такая непристойность и неопрятность не могутъ быть терпимы при Высочайшемъ Дворѣ!» Хотя кажется, не совсѣмъ бы непристойно было видѣть при русскомъ Дворѣ русскихъ бояръ и бояричей, а не французскихъ маркизовъ; хотя, безъ сомнѣнія, голова чисто вымытая опрятнѣе засыпанной все таки, хоть утонченною, а мукою, и намазанной все таки, хоть раздушеннымъ, а саломъ; хотя эстетическое чувство, не чуждой

флотами, приводящими въ удивленіе надменныхъ своимъ мореходствомъ Англичанъ, какъ я самъ слышалъ отъ одного изъ нихъ. Наше сильнѣйшее и лучшее войско спасло отъ всегубительства тотъ Западъ, отъ котораго Петръ Великій заимствовалъ военную науку. Наши Академіи, Университеты и многочисленныя училища уже не нуждаются въ чужестранныхъ учителяхъ, и мы, не уступая въ роскоши просвѣщенія и общежитія никакому Европейскому народу, строимъ огромныя зданія, украшаемъ великолѣпныя дворцы и палаты, одѣваемся въ щегольскія ткани, безъ помощи иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ. Мы пріобрѣли все, что могли пріобрѣсть полезнаго намъ отъ Запада, и щедро заплатили ему за это. А на Востокъ стоитъ пограничнымъ столбомъ русскаго Царства вѣковѣчный Араратъ; Россія обхватила почти все Каспійское море, и двѣ трети Чернаго бушуютъ въ нашихъ берегахъ; Дарданельскіе заклепы сорваны подъ стѣнами Константинополя, и торговые корабли всего міра несутъ сок-

питическаго дара, Екатерины должно было находить въ великолѣпной и полной одеждѣ больше красоты для искусственныхъ изображеній, чѣмъ въ курчавой причeskѣ и коротенькомъ кафтанѣ со всеми его лоскутными принадлежностями;—но Императрица рѣшилась пожертвовать русскою одеждою иностранному парикмахерству, и Она Сама, надѣвъ Русское, т. е. почти русское платье, сохранила пудренную прическу, или отъ силы привычки или отъ всевластія общаго даже и ложнаго понятія современниковъ и надъ необычайными умами. Петръ Первый, переряжая Своихъ дворянъ и войско въ Нѣмецкіе кафтаны, конечно это зналъ; а быстрый успѣхъ его всепреображенія доказалъ на дѣлѣ ту истину, которую Фенелонъ, въ сочиненномъ имъ Телемакѣ, хотѣлъ объяснить свосму, рожденному царствовать, воспитаннику.

ровища свои въ наши Эвксинскія поморія, обсаженныя богатыми и торговыми городами. Находя въ настоящемъ могущество, благообразіи и существенномъ богатствѣ Восточной Россіи явное доказательство, что Петръ Великій точно говорилъ нересказанное Его современниками, а въ нынѣшнихъ дальновидныхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ русскаго самодержавства оправданіе письма его къ Графу Анраксену, я съ восхищеніемъ вижу, и не могу не видѣть во многомъ и многомъ продолженіе царствованія, прерваннаго, волею Божіею въ 1725-мъ году. (*)

К. Александръ Шаховской.

НВ. Окончаніе сего письма, какъ только вступленіе въ историческій обзоръ нашего просвѣщенія уже послѣ Петра Великаго, по отдѣльности отъ настоящаго предмета, здѣсь не помѣщено, но должно напечататься въ особомъ сочиненіи, если сочинитель успѣетъ кончить имъ начатое.

(*) Это было написано еще до, вынужденнаго мятежнымъ духомъ запада, распространенія пераздѣльной русской Имперіи за Вислу, до изданія свода законовъ, который служитъ каждому обороною противъ казней ябеды и основою полнаго Государственного уложенія, до великодушнаго спасенія еще недавно враждебнаго намъ Султана, быстрымъ появленіемъ нашихъ вспомогательныхъ войскъ предъ изумленнымъ Константинополемъ, и налетомъ въ Босфоръ прекраснаго Черноморскаго флота, столь вожделеннаго Петромъ Великимъ; до окрѣпенія возсажденной имъ торговли прочностью купеческихъ домовъ, которые у насъ не устанавливали до третьяго по-